

скандинавская линия

«408 страниц захватывающего чтения»

Моника Н. Индестад, Bergens Avis, Норвегия

«Одна из самых увлекательных
книг этой осени»

Курт Хансен, Dagbladet, Норвегия

«Бегите и покупайте»

Berlingske Tidende, Дания

ДЕТЕКТИВ
О РИНО
КАРЛСЕНЕ

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!**

ФРУДЕ ГРАНХУС

ВОДОВОРОТ

18+

Фруде Гранхус

Водоворот

Серия «Скандинавская

линия «НордБук»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58841154

Водоворот: ИД «Городец»; Москва; 2020

ISBN 978-5-907085-91-6

Аннотация

Недалеко от города Будё в Северной Норвегии происходит нечто странное: на берегу появляются старинные фарфоровые куклы, прикрепленные к деревянным плотам, а затем – избитая девушка без сознания, одетая как одна из кукол. В это же время мальчишки находят на побережье человека, погруженного в ледяную воду, чьи руки прикованы к камню, а затем появляется еще одна жертва неизвестного преступника. За расследование берется полицейский Рино Карлсен, которому придется распутать целую цепочку страшных преступлений. Роман Ф. Гранхуса – яркий пример скандинавского детектива, где сюжет до последней страницы оставляет читателя в напряжении и не дает отложить книгу. Это история о том, как любовь превращается в одержимость, которая не знает пределов и моральных принципов, стирает границу между добром и злом и сводит с ума.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	57
Глава 7	72
Глава 8	92
Глава 9	102
Глава 10	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Фруде Гранхус Водоворот

Frode Granhus

MALSTRØMMEN

© Vigmostad & Bjørke, 2010

© А. Юченкова, перевод на русский язык, 2020

© ИД «Городец», издание на русском языке, 2020

Глава 1

Ландегуде

Мальчишки почти не расставались, ведь среди остальных сорока трех жителей острова других ровесников не было. Если для шалостей и развлечений остается лишь маленький островок, усыпанный холмами, приходится использовать каждый свободный метр. Порой они спускались к валунам, чтобы проверить, не вынесло ли на берег после прошлой разведки что-нибудь ценное.

Холодный северо-западный ветер, гулявший по островку последние пару дней, внезапно затих и превратился в легкий ветерок. Приятно прохладный, он не обжигал холодом, даже если дул прямо в лицо. Укромное место мальчиков находилось в расщелине между голой скалой и скользким, покрытым мхом валуном, всего в метре над морем. Оба носили спасательные жилеты, без этого родители гулять не выпускали – как бы здорово ты ни умел плавать, но в двенадцать лет справиться с неуправляемыми морскими течениями не под силу.

– «Вестеролен», – один из мальчиков показал на корабль у кромки горизонта. Второй пригляделся и молча согласился:

– Опаздывает на пятнадцать минут, – сказал он и осторожно перепрыгнул через трещину шириной в метр.

Они двинулись дальше, балансируя на скользких валунах, а глаза выискивали хоть что-нибудь. Когда они добрались до подножия горы, их внимание привлёк какой-то звук.

– Тс-сс!

– Что?

– Слушай!

Ветер принес необычный звук.

– Может, тюлень застрял где-то?

Они молча прислушивались к звуку, который становился все громче и яснее.

– Какой к черту тюлень!

Мальчики бросились бежать изо всех сил, делая лишь небольшие передышки, чтобы убедиться, что бегут в нужную сторону. Добежав до небольшого пригорка, они остановились перевести дыхание и огляделись. До них доносились короткие повторяющиеся стоны.

– Это у разлома. Он, наверное, застрял.

– Кто?

– Не знаю, какой-то зверь.

Они ринулись к морю, туда, где открытой раной в скале зиял разлом. Добравшись до края, мальчики опустились на четвереньки и проползли последние несколько метров. Звук затих, они вытянули шеи, пытаясь разглядеть что-нибудь. Между валунами кто-то стоял на коленях, вода доходила ему до груди. Когда он рванулся и застонал, мальчики увидели, что он сидит на небольшом камне. После следующего рыв-

ка они заметили, что его руки находятся под водой. И опять этот звук – крик животного в смертельной опасности. Он отчаянно пытался освободиться, поднимал голову к сероватому небу и судорожно бился.

– Эй!

Услышав оклик, незнакомец рванулся еще сильнее. Воздух пронзил отчаянный вопль.

– Эй!

В этот раз незнакомец замер, словно не мог поверить, что кто-то действительно его зовет.

– Помощь нужна?

Мужчина завертел головой, оглядываясь вокруг, боковым зрением поймал фигурки ребят, попытался повернуться, но лишь скатился глубже в воду. Карабкаясь обратно на камень, он опять зарычал. «Помогите!» – голос охрип, слова звучали отрывисто.

Мальчики осторожно спустились в разлом и подошли к незнакомцу. Он пристально следил за каждым их шагом, как будто боялся, что, как только он моргнет, видение исчезнет. Мокрые волосы спутались и напоминали морские водоросли, через них проглядывала светлая кожа.

– Что случилось? – Мальчики остановились на расстоянии вытянутой руки.

– Помогите! – Незнакомец попытался поднять руки, но опять соскользнул в воду.

Они ухватили его, и, поднимая, нащупали цепь, которой

он был прикован.

– Как вы... – в мутной воде блестели наручники и большая железная цепь, уходящая в глубину.

Цепь вновь потянула его вниз, и гримаса боли исказила иссиня-бледное лицо незнакомца. Он не плакал, не рыдал, но был явно сильно напуган.

– Что за дьявол это с вами сделал?

Мужчина неуверенно тряхнул головой.

Глава 2

Бергланд, 30 миль к северу от Будё

Волны вяло и неторопливо накатывали на берег, осеннее солнце отражалось в морской ряби. По пляжу прогуливалась пожилая пара – мужчина обогнал женщину, чтобы подать ей руку. Взявшись за руки, они пошли дальше, стараясь не подходить близко к волнам. Они часто гуляли здесь, но всегда задерживались, наслаждаясь близостью друг к другу и природе. Время от времени она наклоняла голову к его плечу и показывала на что-то. Они останавливались, а потом согласнo кивали и шли дальше.

Дойдя до бухты на другом конце пляжа, они снова замерли. Она опять что-то углядела и показала ему. Разглядеть, что именно вынесло море, было трудно, однако этот предмет привлек ее внимание, и они задержались.

– Это еще что такое? – спросила она.

– Откуда мне знать?!

Они стояли молча, все еще держась за руки.

Волны подкатали неизвестный предмет поближе, и он почувствовал, как она сильнее сжала его руку.

– Похоже на куклу, – предположил он.

– Забытая игрушка, утонувшая в море...

Он не спешил соглашаться.

– Скорее, ее кто-то кинул в воду. Похоже, она лежит на плотике.

– Боже мой, помнишь, на прошлой неделе здесь нашли еще одну такую же старую куклу на плоту?

– Да-да.

Волны вынесли маленький плот на берег, он подошел и аккуратно его поднял. Плотик был из дерева, а, чтобы кукла не упала с него, к деревяшке были приделаны перильца и натянуты веревки.

Он протянул ей куклу.

– Вот она.

Женщина внимательно оглядела игрушку, явно не выражая никаких чувств.

– Фарфоровая кукла...

– Старая?

Она кивнула, не сводя глаз с игрушки. Краски поблекли. Платье, когда-то, видимо, черное, стало бледно-серым, а белоснежное тело на плечах пожелтело. Она осторожно высвободила куклу и поднесла ее к глазам.

– Не нравится мне это...

– Наверняка просто кто-то отпустил игрушку искать нового хозяина.

Она продолжала разглядывать куклу, осторожно поворачивая ее в руках.

– Таких давно не продают. А тут сразу две... Это похоже на... какое-то предупреждение.

– Ну Ада!

– Как будто... не знаю...

Он обнял ее:

– Ну что?

Она вздохнула:

– Как будто кто-то выплескивает свое отчаянье.

Глава 3

Будё

*Evil walks behind you
Evil sleeps beside you
Evil talks arouse you
Evil walks behind you¹*

– Ты когда-нибудь думал, о чем поет этот хрипатый придурак? – Двенадцатилетний парнишка, развалясь, сидел на пассажирском сиденье.

– Вообще-то, нет. Суть в том, что из-за него у меня сосет под ложечкой.

– Да брось ты! – Мальчик закатил глаза – Кассеты уже сто лет никто не слушает.

– В наши машины CD-плееры не ставят, – комиссар полиции Рино Карлсен ласково похлопал по приборной панели машины и лукаво взглянул на сына, – И знаешь почему?

Парень опять покривился.

– Это зона-свободная-от-хип-хопа. Похоже, уже почти единственная. В этих стенах нет места для Пуффи Дуффи или Даст Дэдди.

¹ «Зло шагает за тобой, Зло спит рядом с тобой, Зло шепчет тебе страстные слова, Зло шагает за тобой» (англ.) Припев песни Evil Walks группы AC/DC.

– Пафф Дэдди. Кстати, его теперь зовут П. Дидди.

– Какая разница. Никакие сутулые товарищи в вязаных шапочках и спущенных штанах не смогут выкрикивать свои обвинения в этой колымаге.

– А ты в курсе, что восьмидесятые – это древние времена?

– Однажды я обращаю тебя в правильную веру, Иоаким. Готовься.

Иоаким Карлсен натянул шапку на глаза и демонстративно вздохнул. Вообще-то он гордился отцом, его мысли казались мальчишке забавными. Определенно, он классный папа, не такой, как у всех, и не только потому, что работает в полиции, просто его колесо истории остановилось примерно двадцать пять лет назад. Было сложно себе представить, что отец когда-нибудь покинет свои золотые восьмидесятые. Когда мальчик спросил у матери, почему они с отцом развелись, та тоже сказала что-то подобное.

– Мы переросли друг друга, – объяснила она, – то есть я-то выросла, а вот он – нет. Иоаким отлично понимал, о чем она. Ведь даже голубой «вольво» был тем же самым, что и в 1985 году. Рино Карлсен давным-давно нашел самого себя и не видел необходимости в переменах.

– Я тебя у заправки высажу. Не знаю, когда попаду домой. У нас новое дело.

– Убийство, изнасилование или кто-то пописал в общественном месте?

– Дело, – повторил Рино Карлсен, останавливаясь.

– Ладно. Я друзей позову. Магнитола помучаем, – Иоаким вылез из машины и добавил, хлопая дверью: – П. Дидди!

Рино шутливо погрозил сыну кулаком. Иоаким в ответ сделал модное движение из хип-хопа, которое недавно стало его коронным. Именно благодаря сыну Рино и его бывшая жена получили после развода совместную опеку над ребенком. В общем и целом казалось, что он пережил развод без особых страданий и грусти, может быть, потому что сам развод прошел довольно спокойно. Им удалось избежать обычных споров и ссор, по крайней мере, до той, что случилась пару недель назад. Тогда жена прислала ему смску и попросила дать согласие на курс лечения «Риталином»² для Иоакима. Он вскипел. Разрешить – значит согласиться с весьма спорным диагнозом, и тогда мальчика накормят наркотиком, действующим на центральную нервную систему. А ведь большинство родителей делают все, что в их силах, чтобы уберечь детей от подобного зла. Да, Иоакиму сложно вести себя спокойно, особенно в школе, но лечение, которое на практике заключается в том, что ребенка накачают наркотиками, – это, по меньшей мере, излишне. Рино сильнее сжал кулаки. Если Иоакиму для того, чтобы успокоиться, нужно покататься в стену дисками Ронана Китинга, которого так любит его мать, пусть кидает. Согласия она не получит.

² Риталин (метилфенидат) – психостимулятор неамфетаминового ряда. Применяется при лечении синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у детей.

Через несколько минут Рино остановил машину возле больницы и поднялся в отделение. Он назвал свое имя медсестре, и его тут же проводили в кабинет.

Врач с внешностью подростка и манерами многоопытного врача взглянул на него с сомнением:

– Значит, вы...?

– Полицейский, – будто извиняясь, Рино развел руками и протянул ладонь для рукопожатия, – Рино Карлсен. Половина штаба занимается визитом министра. Поэтому я за дежурного.

Врач кивнул. Неужели этот мужчина в джинсах действительно сотрудник полиции?.. Затем врач взглянул на компьютер с такой озабоченностью, словно на жестком диске отражались все страдания пациентов:

– Прошу вас ограничиться самыми необходимыми вопросами. Даю вам десять минут. Пациент поступил в очень тяжелом состоянии, как психическом, так и физическом. У него множественные обморожения. Некоторые из них едва заметны, например, на лице, где кожа более устойчивая к повреждениям. Руки, наоборот, намного чувствительнее, чем принято считать. А обморожение в ледяной воде совершенно не похоже на то, которое бывает на ветру. Этому парню показалось, что он пережил самую страшную боль в своей жизни.

– Показалось?

– Да, пока кровь в замороженных артериях не отогрелась.

Миллионы иголок впивались в нервные окончания.

Рино знал, каково это, когда замерзают руки. «Вольво» довольно капризно вел себя зимой.

– Вы хотя бы примерно представляете себе, сколько он просидел в ледяной воде?

– Слишком долго. Мы подозреваем необратимые поражения. В худшем случае речь может идти об ампутации, хотя пока, конечно, об этом рано говорить.

– Несколько часов?

– Определенно.

Полицейский почувствовал, как мороз пробежал у него по коже.

– Вы меня проводите?

– Да, и еще... При поступлении его состояние лучше всего можно было бы описать как психоз.

– А сейчас?

– Реакция адекватная, но ему нужно отойти от травмы, нельзя переживать ее заново. Как я уже говорил, не больше десяти минут.

Они долго петляли по коридорам, затем врач знаком приказал Рино остановиться и приоткрыл дверь палаты. Оттуда, кивком поприветствовав посетителей, вышла медсестра. Врач постучал по часам – мол, времени у тебя мало – и впустил Рино внутрь.

Спинка кровати была поднята, чтобы пациент мог находиться в полусидячем положении. На штативе, на высоте

плеч, лежали забинтованные руки. Мужчина, которого, по данным полиции, звали Ким Олауссен, перевел на инспектора затуманенный взгляд.

Рино пододвинул стул к кровати и присел.

– Меня зовут Рино Карлсен. Я работаю в полицейском участке в городе. Не обращайтесь внимания на одежду, меня вызвали из дома.

Взгляд мужчины никак не изменился.

– Вы не против, если я задам пару вопросов?

Опять никакой реакции.

– Парень в белом халате дал мне всего десять минут. Если он в этом вопросе принципиален, у меня осталось девять. Можно, я перейду сразу к делу? Тогда начнем с самого простого: вы знаете, кто это сделал?

Губы мужчины задрожали, и с них сорвалось хриплое «нет».

Около трех лет назад в городе уже был подобный случай. Тогда, как и в этот раз, мужчину приковали к валуну под водой. Его похитили из собственного дома, на голову надели мешок, а на руки – наручники. Преступника до сих пор не нашли, и из всех нераскрытых дел, которые вел Рино, именно это беспокоило его больше всего. Когда ему сообщили о происшествии возле Ландегуде, он воспринял это как издевательское напоминание.

– Вы можете рассказать, что случилось?

Взгляд мужчины казался отсутствующим, поэтому Рино

повторил вопрос.

– Меня ударили... – голос звучал слабо. Очевидно, пациенту давали много обезболивающих, – ...я как раз закрывал бар на ночь.

Рино подумал, что мужчине, наверное, трудно говорить. Отчаянно крича, он повредил связки.

– Где вы работаете?

– В «Подвале».

В самом злачном местечке Будё.

– Вы были один?

Медленный кивок и грустное выражение лица, как бы в подтверждение того, что на всем белом свете у него никого нет.

– Я убираю основную грязь перед приходом дневной смены.

Основную грязь. Перед глазами всплыла картинка: пьяные юноши и девушки без сознания валяются на полу.

– То есть преступник прятался в баре?

Олауссен немного помолчал и произнес:

– Наверное, да.

– Вы его видели?

– Я сразу вырубился.

– А когда очнулись?

Взгляд опять затуманился.

– Меня тошнило. К тому же, на голову мне что-то надели...

– Мешок?

Мужчина вздрогнул так, что кровать скрипнула. Несколько мгновений он тяжело дышал, потом постепенно успокоился.

– Может быть... холщовый... я мог дышать.

– Но вы ничего не видели?

Мужчина кивнул.

– Их было несколько?

Утонувшее в подушке лицо мужчины формой напоминало грушу, а щеки слегка надулись.

– Только один.

– Точно?

Рино истолковал молчание как знак согласия.

– Что случилось дальше?

– Все было как в тумане... Думаю, я лежал в багажнике. Я смог нормально соображать, только когда он вытащил меня.

– Как он довез вас до острова?

– В каноэ.

Такого ответа полицейский не ожидал.

– В каноэ?

– Там было очень тесно. На меня что-то давило со всех сторон. Похоже, это было каноэ.

Рино подумал, что вряд ли жители острова обычно добираются до Ландегуде на каноэ, так что подобное не могло остаться незамеченным.

– Вы можете предположить, в какое время это произо-

шло?

— Мы закрываемся в три. Так что, скорее всего, чуть раньше трех. До рассвета прошла вечность, по крайней мере, мне так показалось. Когда ты сидишь и думаешь о том, высоко ли поднимется вода... — мужчина снова вздрогнул. — Он развязал веревку и велел мне медленно считать до тысячи перед тем, как снять мешок. Я так и сделал. Считал медленно, а в это время в руки впивались сотни маленьких дьяволят. Я думаю, именно поэтому я не поддался на искушение считать быстрее. Я боялся того, что увижу, когда сниму мешок, — что он сделал с моими руками??? Я их не чувствовал. Только дикую боль...

Рино сжал кулаки.

— На скале рядом с тем местом, где вы сидели, обнаружен рисунок. Мы полагаем, что его оставил преступник.

Мужчина не ответил. Он смотрел прямо перед собой пустым стеклянным взглядом.

— На рисунке какие-то человечки, рисовал явно ребенок. В других обстоятельствах он не представлял бы особой ценности, но учитывая подобный акт садизма... — Рино наклонился ближе, — ...совершенно очевидно, что он что-то означает. Как и тот способ, которым рисунок прикрепили к скале. Ведь проще всего было бы просто положить его на камень и прижать по углам более мелкими камушками, чтобы ветром не сдуло. А его приклеили к гладкой скале...

— Он хотел, чтобы я видел.

– Да, мы тоже так думаем. Вот только зачем?

– Этот рисунок стал для меня всем миром. Но, по правде говоря, я не знаю, ни кто это сделал, ни почему.

Рино не удивил такой ответ. Три года назад они тоже нашли рисунок с человечками, по всей видимости, такой же. Смысл послания остался загадкой и для жертвы, и для следователей. Несколько месяцев рисунок провисел на стене прямо перед глазами у Рино, но и он оказался бессилён.

– Посмотрите на подпись, – она тоже совпадала с подписью на первом рисунке, – инициалы Б.Д. в левом нижнем углу.

Мужчина с трудом покачал головой.

– Никаких догадок?

– Нет.

Дверь распахнулась, и вошла медсестра:

– Доктор Ватне Берг напоминает, что время вышло.

Рино очень захотелось отправить посылную обратно с таким ответом, чтобы доктора как ветром сдуло с пьедестала, но он сдержался.

Вместо этого он обратился к пациенту:

– Ничего, если мы побеседуем еще пять минут? Очень прошу. Как вы, наверное, помните из школьных времен, учитель, приходящий на замену, всегда очень добрый. И я именно такой учитель.

Мужчина кивнул.

– Попросите доктора обнулить счетчик, – Рино широко

улыбнулся медсестре. По его опыту, подобная улыбка растапливала даже самые холодные сердца.

– Я буду краток. Обычно, если какие-то органы чувств, в нашем случае зрение, выключаются, обостряются другие, чтобы компенсировать утрату. И человек невольно замечает то, на что в других обстоятельствах не обратил бы внимания. К чему я веду – скорее всего, о преступнике вам что-то известно, но сами вы, возможно, этого не осознаете. Может быть, от него исходил какой-то особый запах. Или по его движениям, когда он нес вас или поднимал, можно установить его рост. Интонация, с которой он говорил, особенности речи, диалект – все это очень важно.

– Он был сильным.

– Хорошо.

– Очень сильным.

– Ясно. Почему вы так решили?

– Пока он меня... *приковывал*, он почти все время удерживал меня одной рукой.

Инспектор почувствовал первые проблески надежды.

– Еще я сопротивлялся и наткнулся на что-то вроде резины. Скорее всего, дождевик или что-то такое... – пострадавший сглотнул. – Я испугался, что он меня утопит.

Рино вдруг почувствовал отголоски смертельного ужаса, который довелось пережить этому человеку. Сам инспектор был очень смелым и спокойным, но единственное, чего он действительно боялся, – это утонуть. Смерть как таковая не

пугала его (конечно, при условии, что она подождет еще лет 50), и обстоятельства, при которых он умрет, – тоже. Только не утонуть... Когда рот наполняется водой...

– Он кое-что сказал... Прошептал мне в ухо...

– Что?

– Что-то про право.

– Право?

– Право талона... талиона... что-то в этом роде.

Рино подумал о том, что нужно позвонить другу-адвокату. Если эти слова имеют отношение к правосудию, тот может знать, что они означают.

– Все, не буду больше вас мучить, но, если что-нибудь вспомните, пожалуйста, сразу же звоните. Хорошо?

Нижняя губа опять задрожала. Рано или поздно обида прорвется наружу, и он расплачется.

– Я умолял и угрожал, плакал и проклинал его, но его ничто не трогало. Он приковал меня, бросил меня там... в лицо мне дул ветер, но я кричал, орал ему вслед, что он ошибся, взял не того человека, перепутал имя, мое и моих родителей... но его уже не было!

Рино поднялся. Он почувствовал, что унижений для несчастного достаточно. Было ясно одно. Кто-то когда-то посеял зерно ненависти. Ненависть никогда не вырастает на пустом месте. Когда он закрывал за собой дверь палаты, в голове запоздалым эхом отозвались строчки старой песни: «Зло шагает...»

На рисунке было восемь человечков разного размера, самый большой – в левом углу. Линии сверху и снизу рисунка, очевидно, показывали, что люди находились в комнате. Мебели в этой комнате не было, только прямоугольное окно или, как предположил кто-то из сотрудников, школьная доска. Фигурки были нарисованы очень просто, так что пол или возраст человечков определить не удавалось. Одни фигурки были повернуты друг к другу, другие стояли отдельно. В левом нижнем углу – инициалы Б.Д.

На корабле «Нурфолда» Рино направлялся на остров Ландегуде. Он разглядывал копию рисунка. Оригинал отправили в лабораторию, но Рино сомневался, что они найдут какие-нибудь другие отпечатки пальцев помимо тех, что обнаружили сразу. Тот, первый рисунок, в свое время проверили очень тщательно, однако расследованию это не помогло.

Он допил кока-колу из бутылки, зевнул, достал жвачку и отправил ее в рот. Во время всего пути мимо его стола постоянно носились двое мальчишек, и сосредоточиться не получалось... Очевидно, их внимание привлекла его полицейская форма, к тому же во время посадки он дружелюбно улыбнулся им. И получается, допустил ошибку.

Корабль замедлил ход, а голос в громкоговорителе сообщил, что они пристают в Ландегуде. Он свернул рисунок,

положил его в карман, подождал, пока самые нетерпеливые пассажиры выберутся на палубу, и поднялся следом.

Ветер был намного холоднее, чем в городе, и инспектор вспомнил беднягу, несколько часов просидевшего на пронизывающем ветру, опустив руки в ледяную воду. Похоже, врач не преувеличивал, когда описывал боль, которую тот испытывал.

Гулкий звук, раздавшийся во время спуска по трапу, напомнил ему, что он забыл переодеть старые сабо. Они не очень подходили к форме, но теперь уже ничего не поделаешь.

На причале стояли восемь человек, и среди них – бывший смотритель маяка. Сейчас ему было около восьмидесяти, а на маяке он прожил с начала шестидесятых и до 1993, когда маяк заменили на автоматический... У старика были четкие черты лица, яркий румянец, глубокие, но редкие морщины и седые волосы цвета летнего дня в Северной Норвегии.

– Антон Седениуссен, – ладонь его по размеру могла сравниться с небольшой черепахой, а при приветствии руку Рино сжали тиски из плоти и крови. – Это я освободил того парня.

«Причем, похоже, голыми руками», – не удержался от мысли Рино, пытаясь вызволить руку из плена.

– Видать, злопамятный парень...

– Что, простите?

– Большинство из нас в порыве ярости мечтают оторвать обидчику голову. Но вот осуществить...

– Мы не всегда можем понять, о чем думал преступник.

– Ну да, ну да, – хмыкнул старик, – я иногда и сам себя-то не понимаю.

Рино огляделся. Дорога, построенная только в девяносто четвертом, причем на первый взгляд – инженером-выпивохой, вдохновила многих жителей острова на покупку автомобиля.

– Пожалуйста, садитесь, – Седениуссен показал рукой на старенький «мерседес». – Машина почти двадцать лет простояла в городе. А теперь ноги мои подали заявление об отставке. Вот она и пригодилась.

Старик сел практически на пол. При росте метр восемьдесят пять Рино был выше среднего, однако, сев, почти уткнулся в переднюю панель. Старик пододвинул сиденье, наклонился к рулю, и «мерседес» рванул вперед.

– Она несется, как перезрелая вдова моряка. А ведь у нее внутри никогда никто не копался.

Рино взглянул на счетчик километража. Всего сорок тысяч километров. За тридцать с небольшим лет! И впрямь неудивительно, что ноги старика затянули свою последнюю песню. Попользовался он ими на славу.

– У нас есть основания предполагать, что жертву привезли сюда на каноэ. Среди ночи.

– На каноэ? – Машина дернулась.

– Дорога туда и обратно, и еще нужно было приковать жертву – на все это ушло самое меньшее пара часов. Значит,

есть надежда, что кто-нибудь успел хоть что-то заметить.

Старик свернул на небольшую дорожку и остановил машину.

– Вчера вечером я сидел у себя на маяке. Замок все тот же, ключ у меня никто не забрал. Я туда иногда прихожу погрустить. После того, как жена умерла... понимаете, я ведь полжизни провел на этом холме.

Рино понимающе кивнул, хотя сам никогда еще не испытывал подобных чувств.

– Скажите, вы когда-нибудь бывали внутри маяка?

– Нет.

– Хорошо. А то бы вы не поняли. Большинство ведь заберутся на башню, побродят там минут десять-пятнадцать, полюбуются видом и сразу вниз. А нужно провести там хотя бы сутки. Увидеть, как день сменяется ночью, как зарождается новый день.

– Другими словами, это местечко для терпеливых?

Старик криво ухмыльнулся и обнажил изъеденные табаком зубы.

– Расслабьтесь. Не по мне это – всякую суеверную чушь нести. Просто, посидев там, меняешься. Начинаешь чувствовать себя одновременно и незначительным, и могущественным. Понимаешь внезапно, что все, что представлялось тебе неизменным, на самом деле постоянно меняется, и ты волей-неволей становишься частью этих перемен. Звучит невесело, да?

– Ну да.

– Ну да... Поэтому-то я и прихожу сюда день за днем. Вот и вчера тоже был тут. Но каное... Мои глаза много чего видали, но требовать от них, чтобы они разглядели мелкую щепку посреди океана, – это уж слишком, – старик махнул рукой, – А ночь была темная, как страсть пасторской жены, – он опять криво ухмыльнулся, будто вспомнил о своем личном опыте. – Пойдемте посмотрим? Это здесь внизу, за валунами.

Сначала они шли по низине, и, сделав пару неловких шагов, Рино насквозь промочил ноги. Скалы и валуны были похожи на вышедших на дозор воинов, заслонивших собой побережье. Старик почесал свою потрепанную шерстяную шапку и шагнул на самый большой камень.

– Вы там осторожнее, зеленый мох очень скользкий... Черт подери! У вас что, деревянная подошва?

– Я забыл переобуться.

– Ну вы даете! Ну ладно, мы уже пришли.

Наконец они добрались до расщелины, на которую указал смотритель маяка.

– Вот здесь он и сидел, – старик тяжело дышал, – вот на этом камне.

Рино увидел лишь несколько маленьких круглых камней, а потом вдруг до него дошло, что старик показывал на большой камень под водой.

– Сейчас прилив. Во время отлива вода ниже камня. Вот

там он и стоял на коленях, как будто из волн на него грозно смотрел Создатель. Я знаю, каково это, – отморозить пальцы до бесчувствия, но этот случай... кто же так адски жесток?

– Именно это я и пытаюсь выяснить.

– Найдите его. Такой дьявол не должен разгуливать на свободе.

Они спустились вниз.

– Ко мне прибежал парнишка и сказал, что здесь прико-
ван к камню под водой какой-то человек. К счастью, я ему поверил, взял с собой самые большие кусачки, ими можно перекусить цепи шириной в палец. Цепь, которой его прико-
вали, была примерно в сантиметр толщиной. Пара движений – и бедняга был свободен. Но от холода он словно с катушек съехал.

Рино снял носки, закатал брючины и шагнул в воду. От холода у него перехватило дыхание. Показалось, что сотни маленьких иголочек впились в ступни.

– Холодно? – Седениуссен насмешливо наморщил нос.

Рино неподвижно постоял, дождался, пока утихнет пульсирующая боль, и двинулся вокруг камня. На дне лежала полуметровая цепь, которая была прикреплена к штырю с кольцом, торчавшему из камня в расщелине.

– Поработал он на славу. Штырь вбит намертво, – старик сплюнул.

– То есть раньше этого штыря здесь не было?

– Если бы он здесь проторчал хотя бы пару недель, вы бы

это заметили. Соленая вода почти все разъедает.

– То есть получается, что он вбивал этот штырь в ту же самую ночь?

Старик пожал плечами:

– По крайней мере, незадолго до того.

Два ночных визита удваивали надежду на то, что преступника кто-нибудь заметил. Но Рино не сомневался, что преступник вбил штырь, пока смертельно испуганная жертва сидела с мешком на голове. Ужас, очевидно, был одним из элементов наказания.

– Он что-нибудь говорил?

Старик задумался.

– Притопленные котята вообще-то не слишком разговорчивы. Что он мог сказать? Как я уже говорил, было похоже, что он не в себе. К тому же, он дрожал как желе из трески. Скорее, он нечленораздельно стонал.

– Ничего осмысленного?

– *Помогите*. Это было осмысленно. И именно это я и сделал – помог ему как мог.

– И никаких зацепок о том, кто или почему?

– Ничего такого, о чем я мог бы догадаться.

Рино вышел на берег и сел на камень. Казалось, ног у него больше не было.

– Эти мальчишки, о которых вы говорили... Вы мне покажете, где они живут?

– Я могу вас подвезти, если хотите.

Осторожно засунув ноги в сабо, Рино положил носки в карман и огляделся. Никаких зданий за камнями видно не было. Только горы и океан.

– Кстати, странное совпадение... – Седениуссен почесал розовую мочку уха.

– Что?

– Вы ведь родом из города?

– Родился и вырос в Будё.

– Значит, вы слышали о крушениях «Хуртигругтен»?³

Рино кивнул.

– Первое случилось в 1924 году. Два судна «Хуртигругтен» столкнулись в шести милях от Ландегуде. Тогда погибли всего семнадцать человек. В 1940 было намного хуже. Судно «Принцесса Рагнхильд» шло на север. Недалеко отсюда, во фьорде, на нем произошел взрыв, и оно затонуло. Причину взрыва так и не определили, однако все указывает на то, что корабль напоролся на подводную мину. Три сотни погибших. Тех, кто выжил, подобрали наши лодки. На следующее утро, когда начали искать тела погибших и остатки корабля, на этом самом месте нашли одного из поварят. Это было в октябре. Никто не может выдержать больше получаса в ледяной воде. Но именно этот парень выжил. Выжил вопреки всему.

³ Hurtigruten – суда, курсирующие вдоль западного побережья Норвегии от Бергена до Киркенеса с заходом в большие города и рыбацкие деревни. «Хуртигругтен» перевозит пассажиров, грузы и корреспонденцию.

Глава 4

Бергланд

Лучи утреннего солнца пробивались в окно и отражались в блестящих черно-белых полицейских «фольксвагенах». Сотрудник полиции Никлас Хултин с восхищением разглядывал модель машины, которая стояла на полке его коллеги между кубками за успехи в стрельбе и стопкой старых бумаг.

– Это ведь наш старый помощник Пелле?

– Ага. Полицейский автомобиль Пелле собственной персоной. Мне его подарили однажды в связи с одним дельцем. Как-то даже неправильно убирать его с полки. Классный, правда?

– Даже обидно за полицейское братство.

– Добро пожаловать в мир украденных великов!

– Да уж, я подумал о том же, когда мы решили сюда переехать.

Уже несколько лет супруга Никласа, Карианне, потихоньку потихоньку закидывала удочку. Сначала на север ее позвали корни. Потом совесть напомнила ей о больном отце. Поэтому, когда Никлас получил анонимку с вырезанным из газеты «Нурланд» объявлением о вакансии в полицейском участке Бергланда, выбора у него уже не было. Иногда ему

казалось, что письмо отправил ее отец. Карианне спросила у отца напрямую, и, хотя тот все отрицал, выбор был сделан.

Никлас отработал здесь уже несколько недель, и пока работа напоминала сводки из мира автомобилей Пелле: один взлом, одна чересчур бурная вечеринка, а сегодня ночью еще один взлом, на этот раз у полицейского, который сидел прямо перед ним.

– Уверен, что ничего не пропало?

Амунд Линд без особого интереса пожал плечами. Нельзя сказать, что годы на него не повлияли. Линду исполнилось сорок семь, и, хотя он был далеко не развалюхой, в нем явно начало пробиваться что-то стариковское. Заостренные черты лица и увеличивающаяся лысина лишь усиливали это впечатление. Кожа на ладонях и на шее покраснела и покрылась пятнами – видимо, Линд страдал псориазом.

– У тебя есть гараж, Никлас?

– Был.

– Тогда ты представляешь себе, как они выглядят, если ты, конечно, не фанатичный любитель порядка. Миллионы всяких ненужных вещей втиснуты на двенадцать квадратных метров. Если кто-то и возьмет что-то из этой кучи хлама... – Линд махнул рукой. – Честно говоря, я понятия не имею, пропало ли что-нибудь. Даже если и так, то я должен им спасибо сказать. Мне ничего из этого не нужно. Вот только второй взлом за последние три дня – это уж совсем ни в какие ворота. Я надеюсь, это не начало волны взломов.

– Не волнуйся понапрасну. – Никлас проработал четырнадцать лет в полиции Осло, поэтому криминальная обстановка в Бергланде казалась ему весьма очаровательной.

– Вполне возможно. Но такое случалось и раньше, – Линд взял скрепку и почесал ей шею. – Это было еще до меня, но люди до сих пор вспоминают то лето. Почти ко всем жителям ночью кто-то вламывался. Преступника так и не поймали. Самое удивительное, что он ничего не брал. То есть кто-то просто ради забавы вскрывал чужие дома, устраивал там разгром, а потом незаметно исчезал.

– Похоже, он что-то искал.

– Да, видимо, так. Но взломы прекратились, значит, преступник нашел то, что искал.

– Как насчет ночного происшествия? Ты будешь о нем заявлять? Или надеешься, что на этом все прекратится?

– Подам заявление и сразу закрою дело.

– Весьма эффективное делопроизводство.

– Еще бы.

– Я даже не понимаю, почему мне здесь доплачивают за риск.

– Единственное, чем рискуешь, это умереть со скуки, хотя у нас тут есть оригиналы, не дающие совсем скиснуть.

Никлас вполне мог прожить без того, что формально называется «драйвом», а на деле подразумевает передозировку наркотиков, убийства и семейные трагедии.

– Почему ты стал полицейским? – спросил он, прекрасно

зная, что сам выбрал эту профессию чисто случайно.

– Чтобы помогать людям... – Линд углубился в стопку бумаг. Никлас понял, что тот не станет болтать о том, что считает своей жизненной миссией. Он решил оставить эту тему и взглянул на часы. Через час ему нужно было ехать в школу и беседовать с детьми о том, что пора прикреплять светоотражатели к своей одежде, потому что по вечерам уже совсем темно. Он взглянул на полку коллеги и на куклу возле стены. Нашедшая ее женщина настаивала на том, чтобы оставить ее на хранение в полиции, не только на тот случай, если найдется ее владелец, но и потому, что была уверена: кукла что-то означает. Линд сомневался, но ничего не сказал, просто забрал куклу и поместил ее на полку рядом с полицейской машинкой.

– А по поводу куклы есть какие-нибудь соображения?

Линд потянулся:

– Кто-нибудь из детей потерял. Или, может, у кого-то крыша поехала. В любом случае, кому-то нравится кидать в море старых кукол, и, насколько я знаю, подобное пока не является преступлением, хотя некоторые особо впечатлительные дамы и пугаются.

– Да, она была несколько обеспокоена.

– По-моему, даже слишком. Но я оставлю куклу здесь, – Линд развернул кресло на 180 градусов. – Как там твоя прекрасная половина? Рада, что вернулась в родной город? Ей нравится?

Никлас пожал плечами:

– Похоже на то. Но пока ей довольно скучно. Работа ведь здесь не растет на дереве.

– Что-нибудь найдется. Так всегда бывает, – Линд выглянул из окна и демонстративно вздохнул. – А вот и он.

Никлас вытянул шею и увидел, что к ним твердыми шагами приближается местная знаменитость. Это был Бродяга, человек, который целыми днями копался в земле, изучая метр за метром в выбранном направлении, и каждую неделю предоставлял подробный отчет в полицейский участок.

– Нужно подыгрывать. Ничего не объясняй и не подшучивай над ним. А то хуже будет.

Никлас услышал в коридоре какой-то шум, потом в дверь настойчиво постучали.

– Да-да, войдите, – строго сказал Линд.

В комнату вошел человек лет пятидесяти со старой лопатой в руках. Широкий резиновый полукомбинезон болтался на его худощавом теле, а к ботинкам прилипли комочки сухой земли. Лоснящиеся от пота волосы лежали гладко – было видно, что он усердно поработал. Об этом свидетельствовал и запах, мгновенно заполнивший комнату. Отдышавшись, мужчина махнул свободной рукой.

– Корнелиуссен, – пробормотал он.

Никлас понял, посетитель спрашивает о его предшественнике – табличку на двери еще не успели сменить.

– Корнелиуссен на больничном, – серьезно ответил

Линд, – а это Никлас Хултин, он его замещает.

Мужчина скептически оглядел Никласа, по его взгляду можно было подумать, что он считает Корнелиуссена незаменимым. В близко посаженных глазах сквозила усталость, а манера держаться усиливала впечатление одержимости.

– Семнадцать квадратов, – сказал он и повернулся.

– И ничего не нашел?

Бродяга покачал головой.

– Ну, хоть с погодой повезло.

– Сегодня-то да.

– Можно сделать перерыв, когда такой ветрище с юго-запада.

Бродяга опустил глаза и грустно покачал головой.

– Погода для зубных врачей... – пробормотал он.

Линд улыбнулся и переглянулся с коллегой.

– Точно подмечено. Дождь – это погода для зубных врачей. Поэтому я сижу под крышей и без особой необходимости носа на улицу не показываю.

– Сейчас есть.

– Что?

– Есть такая необходимость.

Линд собрался было возразить, но в последний момент передумал:

– Понимаю.

– Я дойду до горного болота до заморозков.

– Отлично.

Бродяга быстро взглянул на сменщика Корнелиуссена:

– Я высчитал.

– Что ты высчитал? – Не понял Линд.

– Я проживу до шестидесяти.

– Да ну?

– К этому времени я доберусь до лужайки возле пляжа.

Линд с пониманием кивнул.

– Но я найду ее раньше.

– Буду держать за тебя кулаки.

Мужчина сильнее сжал рукоятку лопаты. Костяшки пальцев побелели, а мышцы под рубашкой напряглись.

– Много камней, – сказал он, вытирая капельки со лба. – Дело движется медленно. Мне нужна помощь.

– Мы об этом уже говорили.

– Она где-то здесь.

Посетитель заинтересовал Никласа. Коллеги предупреждали его о странных визитах Бродяги и о том, что он целыми днями копает землю, но никто ни разу не обмолвился о том, зачем он это делает.

– Иди домой, Конрад.

Мужчина опять вытер пот.

– Семнадцать метров, понимаешь?

– Я записал.

Бродяга открыл дверь.

– Она где-то здесь, – повторил он и исчез за дверью.

Линд скривился и открыл окно:

– Пора проветрить.

– Что это было?

– Добро пожаловать в Бергланд! Везде есть свои сумасшедшие. Бродяга – наш.

Никлас с жадностью вдохнул свежий воздух:

– Он каждый день копает?

– Каждый божий день.

– И ему не помогают?

– С чем?

– А разве не очевидно?

– Бродяга, конечно, звезд с неба не хватает, и никому не мешает. Он живет один и вполне справляется. Как ты только что понял, гигиена – не самая сильная его сторона, но, несмотря ни на что, он копает каждый день. Не знаю уж, сколько лопат он сменил за это время. К тому же, он безвреден и вполне отдает себе отчет в том, что делает. Это смысл его жизни – вывернуть наизнанку кусок земли в Нимарке примерно в 6 км в диагонали... – Линд поднял вверх указательный палец, – ...включая пляж в Стурволлене. Причем буквально наизнанку – он копает на глубину минимум в полметра. Местами даже глубже. Не пропускает ни одного квадрата, ну разве что наткнется на скалу. Конечно, эту проблему поднимали сотни раз – не нужно ли вмешаться, может быть, даже запретить ему ездить в горы, – Линд пожал плечами. – С ним разговаривали мы, полицейские. С ним разговаривали мэр и социальные службы. Бесполезно. И, сказать

по правде, он ведь закапывает все обратно, складывает раскопанные кусочки обратно, как в гигантском пазле.

— Что он ищет?

Линд поднялся и подошел к окну, посмотрел, как Бродяга пересек улицу и вышел в поле.

— Это грустная история, может быть, именно из-за нее никто здесь над ним не смеется. Большинство думают о своем, тихо качают головой, но никто не смеется. Слишком уж сильна его боль.

Никлас проникся сочувствием к бедолаге, который из всех сил выполнял свою главную жизненную задачу. Он взглянул в окно: Бродяга завернул за небольшой валун и исчез.

— Двадцать пять лет назад бесследно пропала его сестра. Она вышла из дома в Нихолме, и с тех пор ее никто не видел. Она собиралась спуститься к морю в Стурволлене примерно в семи километрах от дома. Ей было лет четырнадцать-пятнадцать. К сожалению, поиски начали только через два дня, я так до конца и не понимаю почему. Семья была бедной, может, они слишком поздно обратились в полицию, а возможно, им не сразу поверили. Дело не в этом. Весь район прочесали вдоль и поперек, но девушка как сквозь землю провалилась. Семья, конечно, жила надеждой, что рано или поздно она найдется, но не прошло и месяца, как ее брат принялся без устали бродить взад и вперед по этому же участку. Отсюда и прозвище. Только когда он начал копать, все по-

няли: он решил, что сестру убили, — Линд провел рукой по волосам, которых с возрастом явно поубавилось. — Думаю, сначала все считали, что девушка упала со скалы или попала в расщелину, но тела не нашли, и поползли слухи, что она просто-напросто сбежала из своей неблагополучной семьи. И если это действительно так, я хорошо понимаю, почему она предпочитает оставаться пропавшей без вести. Ведь куда ей возвращаться? Родители умерли, брат превратился в копающего зомби, а сестра, старшая из всех детей, вообще умственно отсталая. Она живет неподалеку, за ней присматривают сиделки.

— Ну и история... — Никлас чувствовал, как рассыпается миф о деревеньке без криминала.

— Прежде всего это грустная история, история, которая не закончится, пока не умрет Бродяга.

Глава 5

Будё

Рино Карлсен склонился над схемой расследования. Деталей в ней пока было немного. Рассказ мальчиков, очень живой и красочный, почти ничего не добавил к уже известным инспектору фактам. Пока самый большой интерес представляло именно место преступления, в свою схему Рино добавил крушение круизного корабля «Хуртигругтен» в 1940 году, но поставил его в скобки.

Взгляд снова и снова возвращался к кокосовому печенью и бутылке кока-колы, которые он предусмотрительно отодвинул на угол стола. Это называлось «стратегия от обратного». «Убейте сахар, пока сахар не убил вас». Если верить приложениям о здоровом образе жизни в различных журналах, этот метод борьбы с лишним весом был самым действенным. Пока Рино чувствовал только нарастающее посаживание в пустом желудке.

Инспектор уже готов был сдаться, но тут в кабинет заглянула Сельма, незаменимый мастер-на-все-руки полицейского управления:

– Дьявол сорвался с поводка!

Рино вопросительно взглянул на нее.

– Только что звонил грузчик с причала Амундсена. Похо-

же, кого-то попытались сжечь живьем.

У инспектора перехватило дыхание.

– Скорая уже там.

– Сжечь живьем? – Рино стащил куртку со спинки стула.

– Именно так он и сказал.

Рино встал, рефлекторно схватил печенье:

– Имя грузчика?

– Велле.

– Угу.

– Хагбард.

Рино жестом чокнулся с Сельмой и откусил печенье:

– Выезжаю.

– Тебе вся эта суeta никогда не надоедает?

– Вообще-то нет.

Закатив глаза, Сельма покачала головой и отошла в сторону, пропуская Рино.

– Советую начать с больницы. Если все действительно так плохо, как говорит грузчик, на месте они мало что смогут сделать. Беднягу отправят в Хаукеланд.

– Сельма, ты гений! Я когда-нибудь говорил тебе это?

– Тысячу раз.

– Эх, был бы я лет на 10 старше...

– То есть была бы я лет на десять моложе?

– А разве это не одно и то же?

– Иди уже. Лучше медсестру там очаруй.

– Сельма, верь в меня, – пропел он голосом, который был

ничуть не лучше хрипа в автомобильной магнитоле.

Рино сразу отправился в реанимацию; в приемном отделении на страже сидела дородная матрона пенсионного возраста. Весьма верное стратегическое решение: строгий взгляд, тесная униформа, облегавшая каждый бугор жира на ее теле так, что она напоминала сосиску, отрицали саму возможность нарушения правил. Шарм здесь бессилён, поэтому Рино честно попросил разрешения поговорить с лечащим врачом ожогового пациента.

– Вы находитесь в отделении реанимации. Это означает, что пациентом занимаются врачи... прямо сейчас, – казалось, глухой гнусавый звук доносится прямо из носа.

Он попытался улыбнуться ей, но женщина уже отвела взгляд.

– Присаживайтесь. Я посмотрю, что смогу сделать.

Изнывая от нетерпения, он прождал около четверти часа, а потом, наконец, к нему подошел врач.

– Пациент находится в состоянии болевого шока, ему дают внутривенные обезболивающие. Мы готовим его к транспортировке в больницу Хаукеланд.

– Можно с ним немного поговорить?

Врачом оказалась девушка, которой на вид было не больше тридцати лет, но выглядела она очень строго.

– Уточняю еще раз: у пациента сильный болевой шок, к тому же он под действием препаратов. Было бы безответственно с моей стороны...

– В любом расследовании очень важно начать как можно раньше. Если его перевезут до того, как мы с ним побеседуем, мы потеряем сутки, а то и больше. И все закончится тем, что полицейскому в Бергене придется провести, мягко говоря, не самый приятный допрос. Десять минут сейчас могут стать решающими.

Он увидел, что его слова заставили врача с лицом цвета больничных стен засомневаться. Женщина засунула руки глубоко в карманы халата и продолжала стоять, в раздумье перебирая связку ключей.

– Я узнаю. Подождите здесь.

Через пару минут она вернулась.

– Его увезут примерно через полчаса. У вас несколько минут.

Когда он зашел в палату, сладкий, тошнотворный запах едва не сбил его с ног. Пострадавший лежал на кушетке, его рука была поднята на передвижной столик для манипуляций, скрытый от глаз пациента ширмой. Медсестра заканчивала перевязку. Из-под бинта выглядывали лишь кончики пальцев, частично прикрытые фольгой.

Медсестра вопросительно взглянула на инспектора, закончила процедуру и вышла из комнаты вместе с врачом.

Рино сел на табуретку и пододвинулся к пациенту.

– Можно задать вам пару вопросов?

Пострадавший, мужчина лет тридцати, скептически оглядел его и кивнул. Взгляд был затуманенным, Рино подумал,

что это наверняка результат действия обезболивающих.

– Я буду очень краток, – он наклонился ниже, хотя от запаха ему хотелось убежать подальше. – Можете в общих чертах рассказать, что случилось?

Лицо мужчины, на котором, казалось, застыла маска удивления, исказилось от боли:

– Это... – он кивнул в сторону ширмы.

– Пожалуйста, немного подробнее...

– Я не знаю, – Слова звучали отрывисто.

– Не знаете?

– Черт возьми, не имею ни малейшего представления, за что мне все это.

– Понимаю.

– Проклятье! – Мужчина несколько раз всхлипнул, плотно стиснув зубы.

Кому адресовалось проклятье – ему или преступнику, – Рино не понял.

Мужчина тяжело дышал.

– Я наблюдал за парой куропаток, точнее, пытался установить, были ли эти две птицы парой.

Рино взглянул на капельницу с обезболивающим – не слишком ли большую дозу ему колют? Уколы, подавляющие мозговые импульсы, временно изменяют восприятие действительности. Он подумал об Иоакиме. Кулаки непроизвольно сжались.

– Вдруг что-то взорвалось. Бинобль упал, а я почувство-

вал во рту какую-то гадость. Я все еще чувствую этот отвратительный запах тряпки, которую он прижал к моему лицу. Запах камфоры и мочи. Больше я ничего не помню.

– До какого момента?

Мужчина поморщился и отвернулся от ширмы.

– До того, как почувствовал, что меня швырнули на землю, как какой-то кусок мяса. Пахло креозотом и смолой, поэтому я понял, что меня привезли на причал.

«Преступник не упускает своих шансов», – подумал Рино, и у него затеплилась надежда, что могут быть свидетели:

– Эта пара куропаток... Где конкретно вы находились в тот момент?

– У озера в долине Будёмарка.

– Вы там часто бываете?

Во взгляде пострадавшего читался немой вопрос: какое это вообще имеет отношение к делу?

– Иногда.

Значит, преступник знал, где его ждать.

– Вас привезли на причал...

– Сначала я подумал, что он посадит меня в лодку. Вместо этого он опустил меня на землю возле одного из доков и привязал к лестнице... – Из-за новой дозы лекарства взгляд пациента затуманился еще сильнее. – Потом я опять потерял сознание и очнулся уже, когда моя рука горела.

Рино опять почувствовал запах горелой плоти.

Пациент, всхлипнув, вздохнул.

– Мне понадобилось время, чтобы поверить в происходящее... Что я и впрямь сижу на цементном полу, а моя рука привязана к чертовой электропечке.

Конечно, инспектор уже заметил контраст между ледяной водой в первом случае и обжигающим жаром во втором, это наводило его на мысли, которых он старался избегать. – Вы не знаете, кто это сделал?

– Поверьте, если бы я знал...

– И никаких даже смутных догадок?

Мужчина снова попытался удивиться:

– Да разве на такое вообще бывают причины?

– В вашем и в моем мире – нет. В дьявольском преступном мире – определенно да. В нашем случае мы говорим о хорошо спланированном преступлении. А значит, кто-то считает, что у него есть причина.

По выражению лица пациента было понятно, что уровень обезболивающих опять достиг максимума:

– То есть, по-вашему...

– У вас есть враги. По крайней мере, один. Если криминалисты не нароят больше, чем обычно, нам придется надеяться, что вы скажете нам имя.

– Боже мой!

– Начните с голоса.

– Он не сказал ни слова.

– Может, прошептал? – молчание Рино посчитал отрицательным ответом. – Он не оставлял никаких рисунков так,

чтобы вы их видели?

На секунду мужчина удивился осведомленности полицейского:

– Восемь дурацких человечков... Он прилепил рисунок к стене.

– Рисунок вам о чем-нибудь говорит?

– А?

– Он положил вашу руку на электропечку, а прямо перед носом повесил рисунок. Вам не приходило в голову, что здесь есть какой-то умысел?

Мужчина почти плакал.

– Никаких мыслей?

Пациент снова поморщился, но тут распахнулась дверь, в палату зашла медсестра:

– Мы готовы к транспортировке.

Рино поднял палец, но сестра не обратила внимания на предостережение и знаками попросила его не мешать. Инспектор встал.

– Следователь из полиции Бергена свяжется с вами. Если о чем-нибудь вспомните...

Сестра села на табурет спиной к инспектору и начала бинтовать руку.

– На нем были резиновые перчатки. Или, может быть, какой-то костюм для подводного плавания.

Причал Амундсена построили после войны, он состоял из пяти зданий на трех уровнях: три строения недавно отремонтировали, с двух других кусками осыпалась оранжевая краска. На причале, прислонившись спиной к лоткам для свежей рыбы, сидели двое рабочих. Те, кого Сельма посчитала грузчиками, были, скорее, плотниками, работавшими над возрождением этих домов с привидениями. Устройство самого причала позволило бы ему выдержать шторм судного дня: деревянные сваи толщиной с нефтяные бочки и такой надежный настил, что не сгнил бы и за столетия. На якоре возле пирса стояло несколько небольших суденышек: новый хозяин, видимо, решил возобновить прием рыбы.

Завидев Рино, один из плотников встал и принялся судорожно поправлять инструменты на поясе, ему явно было не по себе. Шок от происшествия, по всей видимости, убил желание работать, а может, Сельма попросила его прервать работу и дожидаться инспектора.

– Велле?

– Это я, – веснушчатый рыжеволосый парень, похожий на чистокровного ирландца, еще раз убедился в том, что молоток надежно сидит в кармашке, и неуверенно протянул руку.

– Вы обнаружили пострадавшего?

– Да, в подвале одного из зданий.

– Вы делаете ремонт?

– Да, почти закончили. Я услышал крики.

– Когда это случилось?

Плотник переглянулся с напарником:

– Мы начинаем в восемь. Я пришел немного раньше. Где-то без десяти.

Рино огляделся. Ближайшее здание находилось метрах в ста.

– Не покажете, где именно вы его нашли?

Плотник направился к одному из разрушенных строений, открыл косо висящую дверь и пропустил вперед инспектора. Пахло сыростью и гнилью, как в старом подвале, к этому запаху примешивалась вонь от горелого мяса. На первом этаже стоял только десяток лотков для рыбы и штабель стройматериалов.

– Это здесь, внизу.

Люк в полу был открыт, и чем ниже они спускались, тем невыносимее становилась вонь. Низкий потолок в подвале не позволял разогнуться, стены были обшиты грубыми досками, а на цементном полу виднелись лужи. Рыжеволосый сопровождающий направился в соседнее помещение, дверь туда была закрыта. Он распахнул дверь, отвратительный запах усилился. Рино сразу же заметил, что доски на стенах почернели от сажи, будто от пожара. Потом он увидел электропечку, вещь из семидесятых, ее красная раскаленная спираль источала жар. У дедушки Рино была такая печка, в дет-

стве инспектор частенько испытывал себя, дотрагиваясь до нее ногой. От печки по всему помещению шла труба. На полу лежали остатки темного стального троса.

– Я его освободил.

– Он был привязан к трубе?

– Да, от ладони до локтя. А вторая рука была привязана за спиной.

Рино представил себе эту картину. Наверняка уже само положение тела причиняло пострадавшему боль. К тому же, привязав руку жертвы к трубе, преступник смог поближе придвинуть печку.

– Печь стояла совсем близко?

– Где-то в пяти сантиметрах. Он буквально жарился на ней.

Рино обернулся и увидел рисунок, прикрепленный к стене в полуметре от пола.

Прямо на уровне лица. Фигурки те же самые. И подпись тоже.

– Дыма было много?

Плотник задумался.

– М-да, дым был. Я действовал инстинктивно, выключил печку и освободил его руку, а потом бросился звонить в скорую. Здесь мобильники плохо берут.

– А стены поэтому обгорели?

– Стены? Да нет, это, наверное, от пожара. Он случился в шестидесятые. Здание нужно было частично отремонтиро-

вать. Потолочные балки от пожара не пострадали, видите?

Действительно, потолок был чистым.

– Страшно представить, что могло случиться, если бы все это произошло вчера, – плотник провел рукой по волосам, но те опять приняли ту же беспорядочную форму. – Я ходил к зубному. А Ингар, мой напарник, обычно опаздывает минут на пятнадцать. Еще пятнадцать минут в этой жаре...

При одной мысли об этом по коже побежали мурашки:

– Вы работаете каждый день?

– С прошлого октября.

– Сюда много народу приезжает?

– Нет, только туристы иногда. Иногда по много недель никого не бывает.

– И все?

Мужчина опять начал перебирать инструменты на поясе.

– Могу спросить у Ингара, но я совершенно уверен, что уже неделю здесь никого не было. Разве что одна пожилая пара.

Рино ни на секунду не сомневался, что преступник отлично знал помещения пристани. Удивлял тот риск, на который он шел, доставляя своих жертв в эти заранее запланированные и подготовленные места. Он с легкостью мог снизить риск вдвое, ведь ничто не указывало на публичность как часть его мотива. Получается, для него важен был именно способ расправы.

– Тогда я, пожалуй, пока пойду. Продолжайте работать.

Запах сразу стал еще сильнее. Перед глазами опять появилась эта сцена: красная раскаленная спираль, тающая, как жир на сковороде, кожа, капли на полу. Скорее всего, нервные окончания и сосуды были сожжены и повреждены навсегда. Возможно, врачам придется ампутировать руку, а ведь этого медики опасались и в первом случае.

Ампутация.

В чем же тут дело?.. Его размышления прервала песня «Back in Black»⁴ на мобильнике. Значит, мобильные здесь все-таки берут. На экране высветилось имя. «Томас» – коллега и единственный близкий друг.

– Ты где?

– В подвале причала Амундсена.

– Я так и думал. Это тот же?

– Да.

– Точно?

– Точно.

– Сельма сказала, что там ужас.

– У него на глазах его собственная рука превратилась в грудку угольков.

– Звучит неприятно.

– Да уж.

– Я тут чуть-чуть покопался в фактах, – коллега откусил яблоко, – этот Олауссен... Похоже, работа очень хорошо ему подходит. Ему нравятся темные, злчные места, где мно-

⁴ Back in Black – песня группы AC/DC 1980 года.

го дыма, он носит свою одежду до тех пор, пока она не отправляется стройными рядами в прачечную, и говорит миру «доброе утро» тогда, когда нормальные люди возвращаются домой с работы.

– Ты все это выяснил наверняка?

– Нет, это только мое впечатление, – Томас опять откусил большой кусок яблока. – А ты что скажешь? Он снимает крохотную комнатку, работает допоздна, наливает пиво беззубым пьяненьким горожанам. Работает на полставки, долгов выше крыши, поэтому он частенько наведывается в социальную службу. Ни хороший, ни плохой. Серенькая личность, приспособливающаяся к обстоятельствам. Есть ребенок – живет, естественно, с матерью.

– Естественно?

– Я видел фасад его лачуги и его соседей.

– Где находится квартира?

– На Ландстранда.

– А точнее?

– Напротив офиса авиакомпании «Видерё». Я поговорил с тремя соседями. Никто ничего особенного не заметил.

– Неудивительно.

– Да, в этот раз нам придется нелегко.

– Ладно. Мне нужно идти, здесь уже побывали плотники и «скорая».

– Кстати, у тебя тут в верхнем ящике кокосовое печенье...

– Съешь его ради бога.

Он обернулся и еще раз оглядел место преступления.

Черные стены, лужи на полу.

Тут и до клаустрофобии недалеко.

Электрическая печка как орудие убийства.

Обреченный на медленную мучительную смерть.

Определенно, преступник пылает от ненависти. Инспектор уже почти выбрался наружу, когда телефон снова зазвонил. Это был Ричард Нордму, адвокат и друг, каких мало.

– Привет! По поводу той фразы, которую ты просил проверить. Juss talionis – право талиона.

Рино совсем забыл. Когда он позвонил, Ричард сказал, что не знает такой фразы, но обещал проверить.

– И что?

– Я выяснил, что это значит.

– И?

– Похоже, ты ищешь мстителя.

Глава 6

Бергланд

– Только теперь я понимаю, как соскучилась по Бергланду, – Карианне Хултин не сводила глаз с горизонта. Легкий ветерок, непривычно теплый для этого времени года, играл ее волосами. Иногда прядки попадали ей прямо в глаза, но, казалось, она этого не замечала. Ее любовь к северной природе не ослабела. Щеки порозовели – но не цветущим здоровым румянцем, а яркой болезненной краснотой, как бывает при жаре.

– Да, понимаю, по такому месту можно соскучиться, – Никлас шутливо улыбнулся.

Они сидели на пригорке напротив дома, который сняли без особых раздумий. В этом желтом строении довоенных времен уже несколько лет никто не жил, и это было заметно, поэтому Карианне и Никлас собирались подыскать что-нибудь другое, как только появится возможность.

За все эти годы перешучивание и состязание в остроловии стало для них естественной формой общения, но теперь Карианне вдруг потеряла к этому всякий интерес. За пару месяцев до переезда она внезапно заметила, что у нее опухла щиколотка. Сама она уверяла, что все в порядке, но было заметно, что она нервничает. Теперь опухла и вторая щико-

лотка и даже несколько пальцев на ногах. Никлас пытался говорить о давлении – высоком, низком, атмосферном, объяснять этим нарушения в обмене жидкостей в организме, но Карианне лишь улыбалась, словно благодаря его за попытку представить все не таким страшным, как на самом деле.

– Может, в нашем переезде сюда и был какой-то смысл. Неважно, что у него болит, если у него вообще что-нибудь болит. Мне кажется, я ему нужна.

Карианне говорила об отце, тот за последние месяцы совсем сдал и уже почти не вставал. Все началось с неопределенных болей в животе, а потом распространилось по всему телу как острое вирусное заболевание, однако до сих пор никакой убедительной причины обнаружить не удавалось. Никлас подозревал, что причиной болезни могла стать многолетняя тоска. Карианне соглашалась, но в то же время говорила, что на отца, который всегда встречал жизненные неприятности с высоко поднятой головой, это непохоже.

– Представляешь, вся деревня читает журнал «Очаг»! – она обняла колени и сидела, свернувшись в клубок. – И все комментируют репортаж.

– Ну, ты же единственная местная знаменитость, не забывай!

Журналисты связались с ней незадолго до Рождества. Карианне несколько недель размышляла над предложением, а потом согласилась. Журнал сделал из ее рассказа душераздирающую историю, в которой было все – и детство, полное

страданий и одиночества, и новая счастливая жизнь. Не забыли в статье и Никласа, назвав его «любовью всей ее жизни». И хотя это, к счастью, действительно было так, после репортажа ему стало неловко и беспокойно. Описанная в журнале жизнь казалась практически невозможной.

– Я и раньше ей была. Только отрицательной героиней, – Карианне передернула плечами. Ветер становился холоднее.

– Папа был замечательным. Полтора года он учил меня дома, составлял вместе со школьным учителем план занятий и занимался со мной. И я не могу припомнить ни одного случая, чтобы он вышел из себя или расстроился. Папа был водопроводчиком, а вовсе не педагогом, у него образование – плохонькая сельская школа. И тем не менее он был самым терпеливым учителем в моей жизни.

– Это большая редкость. Учитывая, что вы жили одни.

Она чувствовала, что обязана отцу всем и что теперь настало время отдавать долги, даже если заболел он всего лишь от тоски.

– А письма – это его идея?

Она кивнула:

– В тринадцать-четырнадцать лет мне надоели эти обязательные визиты. В конце концов, для меня и моих одноклассников они стали неприятными и странными, ребята приходили все реже. С письмами дело пошло гораздо лучше. Папа попросил одноклассников посылать мне письма. Можно было отправлять все, что захочется: рисунки, рассказы,

сказки, которые они вместе придумывали. Ну, знаешь, когда один начинает сказку, а второй сочиняет продолжение, и так далее.

Никлас уже это слышал. Неоднократно. И иногда ему казалось, что он лишь тень ее отца. Но он чувствовал, что ей нужно восстановить справедливость. Ведь, несмотря ни на что, ей удалось уговорить его переехать сюда и уволиться с любимой работы.

– И для одного из них сочувствие переросло в нечто большее, – сказал он, опередив ее.

– Да, для одного из учеников, конечно, неизвестного, ведь далеко не все мне писали... Этот парень, можно сказать, стал моей первой любовью.

– Но не самой большой?

Она поймала его взгляд, улыбнулась:

– Нет, не самой большой. Но что-то происходит с девочками в этом возрасте. Ты лежишь одна, больная, всеми забытая, и вдруг у тебя появляется тайный друг, которого очень волнует твое состояние, он пишет тебе длинные захватывающие письма.

– Ты на все письма ответила?

– Только на первые два или три. Я не успевала отвечать, новые так и сыпались в почтовый ящик. Папе это не понравилось. Он никогда ничего не говорил, но я это видела. Он считал, что это уже слишком.

– Может быть, тебе как раз и нужен был такой тайный друг

в то время?

– Да, он был лучиком света, хотя иногда становилось как-то... не знаю, как объяснить...

– Жутко?

– Да, наверное. Это был перебор... Но чувство обожания было мне уже знакомо.

– Да?

Она усмехнулась:

– Была одна девочка, она ходила в седьмой или восьмой класс, когда я пошла в школу. По какой-то причине я ей очень понравилась, я помню, она говорила, что я заколдованная красавица. Однажды она сказала слова, которые я не могу забыть, может быть, потому, что позже со мной все это случилось. Она сказала, что мечтает однажды проснуться и оказаться в моем теле. Чтобы мы обменялись телами. Красиво сказано?

– Теперь я понимаю, почему ты так хотела вернуться. Здесь все тебя обожают. Меня это совсем не радует.

– Дурак! – Она погрозила ему кулаком. – Уже потом, после операции, один парень начал оказывать мне знаки внимания.

– У вас с ним что-то было?

– Никлас!

– Ну, вы встречались?

Она улыбнулась, поддразнивая его:

– Я думаю, судьба в тот момент уже решила, что мне

предназначен ты. Бедняга сломал ногу и пролежал несколько недель в гипсе. А потом интерес угас. К сожалению. Я начала разбираться в парнях.

– Кстати... – Никлас подсел поближе. – Линд вчера кое-что рассказал об этом Бродяге.

– О Конраде? Ох. Мне так его жаль.

– Что его сестра сбежала.

– Он так и сказал?

– Не совсем. Он сказал, что она исчезла, но было понятно, что именно это он имел в виду. Линд рассказал об их неблагополучной семье, о том, что исчезнуть было неплохой альтернативой.

– Не знаю. Я всегда считала, что она упала со скалы, и ее унесло течением. Но, конечно, гораздо лучше думать о том, что она живет припеваючи, хотя я в этом сомневаюсь.

– В любом случае грустная история.

– Из-за Конрада она еще грустнее. Он ведь совсем не глупый. Вот так копать изо дня в день, год за годом, видимо, они были крепко привязаны друг к другу...

Воцарилось молчание, потом Карианне вновь заговорила:

– Думаешь, тебе здесь понравится?

– Все изменилось. Теперь вместо кровавых бандитских разборок я расследую дела о затонувших куклах. Но кажется, что эта перемена – к лучшему.

Она улыбнулась.

– Я очень надеюсь, Никлас.

– Я тоже, – он махнул рукой. – Но дело-то не во мне. Я волнуюсь, что тебе скучно.

Карианеэ всегда со всем справлялась сама, и с делами, и с личными проблемами. Никлас считал, что это последствия многолетней болезни и беспомощности. Теперь она осталась без работы, и перспективы ее найти были весьма туманными.

– Все будет хорошо, – сказала она. – Так было всегда, ты помнишь? Она иногда говорила, что у нее есть ангел-хранитель. И сильнее поверила в эту теорию, когда некий астролог рассказал ей, что она родилась в очень удачный момент.

– Твоя счастливая звезда?

– Да, возможно. Но, скорее всего, эту счастливую звезду зовут Рейнхард Сунд.

Ее отец стал вдовцом еще до того, как его единственной дочери исполнилось два года. Это отразилось на их отношениях.

– Как это?

Она пожала плечами.

– При поступлении в училище я была третьей в резервном списке на факультет торговли и делопроизводства. Времена были совсем другие, чем сейчас: и условия приема, и поступающие серьезно отличались от нынешних. Выбора практически не было, поэтому те, кто поступал в училище, действительно хотели там учиться. За три дня до начала учебного года мне сообщили, что я принята.

– Остальные передумали?

- Пошли слухи о дополнительном месте.
- Мухлеж?
- Думаю, да.
- Его можно простить. Ты заслужила это место.
- Возможно. Но я боюсь, он снова мной управляет.
- Фантомные боли фантазий?
- Я не могу поверить в то, что он симулирует, но не могу отделаться от мысли, что отцу просто захотелось, чтобы я вернулась домой. Помнишь ту брошюру, которую мы получили зимой?

Он помнил. Это была небольшая книжечка о планах по развитию коммуны, потенциальным жителям обещали счастье и благополучие.

- Они отслеживают уехавших.
- Не уверена.
- Думаешь, это он?

Она опустила голову как будто от тяжести признания:

- Да, думаю, он.
- Умно.
- Дом вдовы Габриельсен опять же...

Карианне позвонил агент по недвижимости из Бергланда и рассказал о том, что, по слухам, вдова Габриельсен собирается переезжать, а все-таки продавать дом лучше своим. Карианне вежливо отказалась.

- Думаешь, это тоже он?
- Уверена.

Они опять помолчали. Ей тяжело давалась мысль о том, что болезнь отца была выдумкой.

Телефон Никласа в кармане куртки завибрировал. Звонил Амунд Линд:

– Я еду в Стурволлан. Хочешь со мной?

– Что случилось? – спросил Никлас. Он специально взял выходной, чтобы побыть с Карианне.

– Мне нужно на пляж.

– Новая кукла?

– А ты неплохо справляешься. Месяц назад тебе бы и в голову подобное не пришло, верно?

Никлас виновато посмотрел на Карианне, но та ответила понимающим жестом.

– Ладно. Когда ты будешь здесь?

– Через пять минут.

– Мне нужно десять-двенадцать минут. Я в горах.

– Ты на прогулке, Никлас. На прогулке. С гор ты за десять минут до дома не добрался бы. Ну, разве что пришлось бы прыгать. В общем, я тебя подожду.

* * *

– Я подумал, ты захочешь поехать... – Амунд Линд сидел, прислонившись к двери. В его машине чувствовался легкий аромат одеколона. – Важно понимать все, что происходит. Я хочу, чтобы тебе у нас понравилось.

Никлас всю дорогу бежал, поэтому запыхался и приоткрыл окно.

– Устал? – спросил Линд.

– Привык держать свое слово. Если я сказал десять – двенадцать минут, я не могу прийти через тринадцать.

Линд широко улыбнулся, обнажив нестройный ряд зубов:

– Хорошо, что ты держишь слово.

– Новая кукла, говоришь?

– На том же месте, нашли те же люди. В полицию позвонил муж, но я слышал, как жена всхлипывала на заднем плане. По всей видимости, панику поднимает именно она.

– Уже третья кукла... Никаких догадок?

Линд почесал раздраженную кожу на лице. На голове были заметны следы краски для волос.

– Вообще-то, сомневаюсь. Не знаю, что и думать. Конечно, женщина слишком впечатлительная, однако, что ни говори, находка необычная. Кто-то расправляется со старыми игрушками, причем не жалеет времени на то, чтобы сделать плот, и отдает кукол на волю волн. Мы обязаны проявить интерес к этому делу.

Вся ситуация казалась Никласу какой-то ненастоящей. Сейчас они, двое полицейских с высшим образованием, едут на место преступления, чтобы осмотреть куклу. Перемены, связанные с переездом из большого города, оказались еще более разительными, чем он мог себе представить.

– Наверное, я зря нарушил вашу идиллию. Ты говоришь,

вы гуляли в горах?

– Мы просто гуляли. Я и Карианне – моя жена.

– Карианне, ну да. Та, которая вернулась домой. В гостях хорошо, а дома лучше?

– У нас особые обстоятельства. Ее отец очень болен, а ей скучно одной дома.

– Вы жили в Стрёммене?

– Да, последние четырнадцать лет.

– Чудесное место.

– Ты там бывал?

– Много раз. Приезжал в отпуск.

– Отдыхаешь в Норвегии?

– Всегда.

– По собственному желанию или... – Никлас по личному опыту знал, когда мужчинам бывает уготована роль только второй скрипки.

– Да, по собственному желанию. Я живу один и езжу в отпуск один.

Почувствовав, что Линд не хочет об этом говорить, Никлас решил не развивать тему. Пляж находился у расщелины высокой горы, песчаная отмель становилась с годами все шире.

Пожилая пара стояла прямо у кромки воды, казалось, они не хотели трогать куклу, а может, им важно было показать полиции конкретное место находки.

Когда полицейские подошли поближе, мужчина обнял

свою жену за плечи, как будто от людей в форме могла исходить какая-нибудь опасность для нее. Никлас отметил, что на песке остались лишь отпечатки ног двоих людей, и заканчивались следы у камней вдалеке.

– Новая кукла на плоту? – Линд задал вопрос шутливо, но, почувствовав, что это неуместно, попытался исправить ситуацию озабоченным выражением лица.

Старик неодобрительно взглянул на полицейского, как будто именно из-за Линда его жена разволновалась.

– Как и в прошлый раз, – ответил он, отходя в сторону.

Опять старинная фарфоровая кукла. Линд осторожно освободил куклу из плена и поднес к глазам. В этот раз красotka была одета в красное платье.

– Забавная вещица. И возможно, за этим совершенно ничего не кроется.

– В то же время это очень подозрительно, чрезвычайно подозрительно, – старик попытался придать лицу суровое выражение, хотя по нему было видно, что к стороннему вниманию он не привык. – Скажите, а разве крик о помощи не должен привлечь первостепенное внимание полиции?

– Зависит от причины, – Линд повертел куклу в руках. – Что думаешь, Никлас?

Никлас не мог понять, как воспринимает ситуацию его коллега – считает ли он ее забавной или действительно начинает что-то подозревать:

– Насколько я понимаю, это третья кукла за последнее

время, все они были отправлены на морскую прогулку на деревянных плотках, достаточно тщательно изготовленных. Я верю и надеюсь, что этому есть какое-то разумное объяснение, но, возможно, нам стоит все-таки заняться этим вопросом.

Старик кивнул и строго посмотрел на Линда.

– Мы гуляем здесь уже больше тридцати лет, каждую осень и весну. Летом мы стараемся держаться отсюда подальше, потому что в это время тут бродят пьяные шумные толпы... – Еще один строгий взгляд, адресованный охраннику правопорядка, – ...но еще никогда мы не находили ничего подозрительного. Это впервые. Кукол не выбросили в море, и их не смыло волной. Кто-то потратил время на то, чтобы сделать эти плоты, продумал их так, чтобы куклы выдержали волны и не упали в воду; действия очевидно осмысленные.

– Никаких сомнений, – сухо согласился Линд.

– То есть вы разделяете наши опасения?

– Непонятные явления часто вызывают страх.

Старик крепче обнял жену, показывая, что от подобных осторожных высказываний полицейского больше вреда, чем пользы.

Инстинкт защитника заставил Никласа почувствовать угрызения совести. Этот семидесятилетний старик ради своей жены без промедления бросился бы в бушующие волны. Или добровольно лег бы под нож и отдал ей любой орган, который потребуется. А Никласу становилось плохо от од-

ной мысли о том, что ждет его самого. Они не говорили на эту тему прямо, возможно, потому что она вызывала между ними напряжение. Карианне узнала симптомы из прошлого. Опухшие щиколотки – только начало болезни, как и ощущение тесноты обуви и чужеродности собственных ног. Потом пальцы. Они стали толстыми – с кулак мальчишки. Скоро ей поставили диагноз. Начали диализ. И заговорили об операции.

– Разве вы не видите? – Женщина удивленно взглянула на полицейских.

Линд опять пригляделся к кукле.

– Руки...

Никлас не замечал ничего, что могло бы вызвать у женщины подобную реакцию.

– Они как будто обнимают кого-то.

Теперь и Никлас обратил внимание: руки были приподняты, правая чуть выше, чем левая, как будто кукла застыла за секунду до объятия.

– Их было двое. В этом объятии.

Никлас все еще не понимал, что так взволновало женщину, и, посмотрев на коллегу, увидел, что Линд так же мучается над этой мыслью.

– Разлука, – женщина говорила тонким дрожащим голосом, словно опасаясь, что ее собственный муж тоже сейчас разомкнет объятия и навсегда исчезнет.

– Да, похоже на то, – Линд никак не мог понять, что к

чему.

Женщина глубоко вздохнула, набралась сил:

– Думаю, нам что-то пытаются рассказать.

– Что?

– Кто-то что-то ищет. И отправился в последний поход.

Глава 7

Будё

«Право талиона» – право на воздаяние.

Рино, не отрываясь, смотрел на написанные его рукой слова и думал о ненависти. Бездонной ненависти. Ким Олауссен, работник пивнушки, так и не смог назвать ни одного человека, кто бы мог желать ему скорейшего возвращения к Создателю. Хотя слова, которые прошептал ему на ухо преступник, свидетельствовали об обратном. Олауссену предстояло умирать долго, на протяжении нескольких часов, мучительно, а спасли его удача и случайность. Таким образом, оставался шанс, что преступник повторит попытку, так как в этот раз не смог довести дело до конца.

Никто из коллег Олауссена не смог припомнить какого-нибудь подозрительного посетителя, хотя можно смело предположить, что те, кто выбирает для вечеринки место типа «Подвала», сами по себе внушают определенные подозрения. Томас решил разыскать и допросить некоторых завсегдатаев бара в надежде на то, что в просветлениях пьяного угара они успели приметить что-нибудь необычное.

Вторая жертва, Нильс Оттему, который до сих пор находился в больнице Хаукеланда в ожидании трансплантации кожи, не смог вспомнить, слышал ли от преступника что-то

похожее на слова, которые тот сказал первой жертве. Тем не менее воздаяние при этом было ничуть не мягче.

Общая копия всех трех изображений была прикреплена на стену слева от письменного стола. Картинки были идентичными, лишь по небольшим неровностям линий можно было убедиться, что все они действительно были нарисованы от руки. И так как подпись на изображениях так же не навела жертв ни на какие мысли, следствие не могло сдвинуться с мертвой точки, хотя версий было предостаточно.

Рино вставил карандаш в точилку, прикрепленную к углу стола. Ему больше нравилось писать карандашом, а не ручкой, в том числе из-за процесса затачивания, ритуала, который помогал направить мысли в нужное русло. Он достал чистый лист и написал: «*Общее*». Истратив полкарандаша, он написал четыре строчки. Все жертвы были среднего возраста, хотя, по мнению инспектора, образ жизни Олауссена несколько ускорял процесс старения. У всех были дети, хотя жили они отдельно. Двое из них были на социальном обеспечении, и он сделал себе пометку проверить, не состоял ли на учете у социальных служб и третий пострадавший. Конечно, подобные вещи весьма постыдны, но кто в наше время думает о стыде?! Потом он написал: «*Ненависть*», хотя прямой взаимосвязи между всеми случаями не обнаружил.

Он достал мобильник и нашел телефон Йоакима. После двух длинных гудков раздались короткие. На Йоакима это непохоже, обычно он был доступен в любое время дня и но-

чи, стоял на страже, как будто лично от него зависела безопасность нации. Через секунду на телефон пришло сообщение:

«Не могу говорить. Тут мама и чувак. Перезвоню».

Первый вариант, который пришел в голову Рино, был весьма фантастичным: может быть, Иоаким впервые в жизни сделал все уроки, и директор вызвал его мать в школу, чтобы совместно пропеть «Аллилуйю»? Потому что на обычную встречу, на которой учительница жалуется на витающего в облаках во время уроков Иоакима, их, согласно договору, пригласили бы обоих. Инспектор решил, что, скорее всего, что-то случилось внезапно, и снова уставился на список общего.

Почти сразу же он отложил бумагу, вышел в коридор и постучал в дверь соседнего кабинета. В кабинете, как всегда, пахло смесью шампуня и мыла, потому что Томас Борк совмещал утреннюю пробежку с дорогой до работы, а потом усердно использовал душевую комнату в управлении. Кроме этого, три раза в неделю он ходил в качалку, а после этого опять принимал душ. В недостаточной чистоплотности Томаса Борка упрекнуть не смог бы никто.

– Наш дружок Оттему...

– Это тот, которого сегодня с утра на костре поджарили? – Томас был в восторге от своего остроумия.

– Да, он. Ты собирался позвонить в Берген.

– После половины второго, – Томас крутанулся на стуле,

сложил руки на мускулистой груди и широко расставил ноги.

– Не попросишь их разузнать у него кое о чем?

– Все, что твоей душе угодно.

– Мне нужно знать, получал ли он когда-нибудь социальную помощь.

– Ищешь общее?

– Надеяться не запрещено.

– Ладно, правда, не думаю, что кто-то из наших жертв родился с серебряной ложкой в заднице.

– Во рту, – поправил Рино.

Внезапно Томас стал серьезным:

– Кратковременная помощь от государства, возможно, предоставляется гораздо чаще, чем мы предполагаем.

– Может быть, – Рино помнил, что Томас жаловался на нехватку денег после развода с женой. Оставалось только надеяться, что он ни во что не вляпался.

– Кстати, я разговаривал с Куртом...

Рино отметил резкий переход от темы разговора.

– Никаких отпечатков ни на печке, ни на трубе.

– Бомба.

– А вот на дверной ручке, напротив... очень много отпечатков.

– Но не нашего приятеля?

– Строго говоря, мы этого не знаем.

– Строго говоря, знаем. Он не оставляет отпечатков на месте преступления, так что вряд ли станет лапать жирными

руками дверь.

– Именно так.

Зазвонил мобильный. Когда Рино вернулся в свой кабинет, на экране телефона высветилась надпись «*Иоаким*».

– Отец, – пробормотал Рино низким голосом.

– Сын, – поддержал Иоаким.

И они закончили хором:

– И Святой Дух.

– Что за чувак?

– Да один придурок, – голос сына звучал уже не так бодро.

– Который из?

– Один из тех, что притворяются друзьями.

– Давай Иоаким. Говори.

– Он расспрашивал обо всем и копался во всякой дряни.

Плохое предчувствие усилилось.

– И где же это было?

Мальчик едва держался.

– У психов.

– В психиатрической клинике? Мама привезла тебя на прием?

– Мм...

Черт! Он стиснул зубы так, что они заскрипели.

– Мне надо обсудить это с твоей матерью, – сказал он.

– Ага. Она тоже сказала, что хочет с тобой поговорить.

Ей следовало сделать это раньше!

– О чем вы говорили?

– О школе.

– Так?

– И ты тоже начинаешь?

– Вообще-то я как раз заканчиваю. У меня еще одно дело.

– Убийство?

– Даже не спрашивай, Иоаким. Про школу и...?

Мальчик тяжело вздохнул.

– Ну, знаешь, о чем все время твердят учителя.

Он понимал, о чем речь. Обычное дело для мальчишек в этом возрасте – мысли находятся где угодно, но не в классе.

– Хорошо. Я поговорю с мамой.

– Тогда пока! – Непривычное прощание для Иоакима, слишком формальное и простое. Этому чертову врачу все-таки удалось сломать и так подорванную уверенность в себе.

* * *

Глядя на грязновато-серый фасад здания, становилось ясно, что оно начинает рушиться. Хотя соседние дома выглядели не лучше. На лестничной клетке было четыре звонка, но табличка с именем висела лишь у одного из них. Рино ткнул пальцем в первый попавшийся, но никто не ответил. Он позвонил еще раз, терпеливо посчитал до десяти и принялся стучать в первую дверь, которая выглядела лучше других.

Из-за двери показалась голова мальчишки, он раскрыл рот от изумления – очевидно, гости захаживали сюда неча-

сто.

– Ддддд... ддда?

– Я ищу Кима Олауссена.

Рот мальчика принял форму буквы «О», и было видно, как напряглись все мышцы лица, когда он выдавил:

– Вам на второй.

– Ничего, я найду, – сказал он и начал подниматься по лестнице.

– Справа, – на удивление легко выговорил мальчик.

Он постучал в дверь, посчитал приглушенное «да» приглашением войти и открыл дверь.

– Олауссен?

– В гостиной, – голос по-прежнему звучал хрипло.

Казалось, он сел в машину времени, которая увезла его на тридцать лет назад. Раздвижные двери на кухню, покрашенные коричневой краской, покосились, на полу лежал оранжевый ковер с гипнотизирующим круговым орнаментом. В комнате, которая называлась гостиной, стоял мебельный гарнитур цвета весеннего снега. Ким Олауссен полулежал в потертом кресле, на коленях у него валялись три пульта. На экране телевизора мелькали картинки скачек с тотализатором.

Олауссен сделал попытку приподняться, но лишь качнулся – помочь себе руками он не мог.

– Сидите-сидите! – Рино жестом попросил хозяина не вставать.

– Я слышал, вас выписали.

Олауссен переводил взгляд с телевизора на следователя и обратно.

– Мне нужно соблюдать покой. Это я и дома могу делать.

– Разумеется, – Рино быстро огляделся. – Можно мне присесть?

– Пожалуйста.

Небольшой кожаный диван, заляпанный остатками еды (по крайней мере, Рино надеялся, что эти пятна оставили именно неаккуратные едоки), был настолько дряхлым, что надежнее было усесться на пол.

– Он чуток староват.

– Все нормально, – Рино подвинулся и сел поудобнее. – Что говорят врачи?

Олауссен поднял руки, как будто наглядно показывая, из-за чего именно он попал в больницу:

– Еще рано говорить. Руки немного немеют, но вообще чувствительность восстановилась.

– Отлично.

Олауссен кивнул.

– Я немного разузнал про эти слова... Право талиона – это право на воздаяние.

– И что? – спросил Олауссен, когда понял, что следователь ждет от него какой-нибудь реакции.

– Воздаяние может быть самым разным, но в нашем случае я твердо могу предположить, что оно не из приятных.

– Я не понимаю.

– В других обстоятельствах я попросил бы вас задумать-ся, не случилось ли чего-нибудь неприятного у вас на работе: клиента плохо обслужили или, может, вышвырнули из бара. Но в нашем случае дело гораздо серьезнее. Настолько серьезно, что меня удивляет тот факт, что вы до сих пор еще ничего не припомнили.

Выражение грушевидного лица сообщало, что воспоминания вообще редко посещали эту голову. Казалось, Ким Олауссен поставил себе целью жизни уничтожить в себе божье творение. Кожа на его лице напоминала засохшую пиццу, волосы увядшей осенней травой свисали с головы, а живот чересчур выпирал.

– Я понятия не имею, кто и почему. Клянусь!

Эти слова Рино не убедили.

– Цепь, которой вас приковали, была прикреплена к штырю. Он вбивал его при вас?

Олауссен опустил глаза, как будто ему было больно вспоминать о происшествии.

– Я слышал, как он стучал молотком по камню и попытался спросить его, что он делает, но он не ответил. Я думал, он бросит меня связанным, и я утону в приливе.

Как Рино и думал, эти звуки тоже были частью наказания.

– Если этот парень решит предпринять еще одну попытку, а вы не расскажете мне, почему он так хочет вам отомстить...

– Да черт возьми! Я не знаю! Думаете, мне моя жизнь не

дорога?

Рино с трудом поборол искушение ответить «да» – то, что он видел, свидетельствовало лучше любых слов.

– Думаю, вы врете. Обычно врут преступники, а не жертвы. Я вас не понимаю.

– Черт подери! – Олауссен попытался замахнуться, но остановился, вспомнив, что руки у него работают не в полную силу.

– Вы можете понять, что я не знаю, кто и почему это сделал? Если вы расстроены, потому что следствие зашло в тупик, срывайте свою злость на ком-нибудь другом!

– Ладно. Я просто пытаюсь убедиться, что не зря трачу время.

– Вы ведь все равно его не найдете?

– Почему это?

– Чистое зло. Никаких мотивов, зло ради зла.

Право на воздаяние.

– Ну, я пока вижу умытое зло, но не чистое. Этот парень знал, что делает. Может, у вас в городе двойник завелся?

Олауссен угрюмо взглянул на инспектора, по всей видимости, эта мысль не казалась ему нелепой.

– Наверное, это и правда так, – пробормотал он, подумав.

– Как – так?

– Он принял меня за кого-то еще. Он действовал решительно и гневно. Он казался... не знаю, как объяснить... холодным и расчетливым.

– То есть это ваша версия? Что он вас с кем-то спутал?

– Не моя, а вообще единственная версия. Я никому ничего не должен.

– Хорошо. Пожалуй, хватит, – Рино пришлось пару раз качнуться, чтобы встать с дивана. Проклятый жир на животе надежно загородил собой мышцы. Надо что-то делать с этой страстью к сладкому...

– Кстати...

Взгляд Олауссена уже приклеился к телевизору: шел последний забег. Видимо, он надеялся, что судьба оплатит ему за трагические события.

– ...вы знаете Нильса Оттему?

– А должен?

– Честно говоря, стало бы легче.

– Имя мне ни о чем не говорит.

– Его нашли сегодня утром. С ним случилось почти то же самое, что и с вами. Только вот в этот раз преступник выбрал огонь. В данный момент Оттему в больнице Хаукеланд, врачи пытаются спасти ему руку.

– Черт возьми!

– Мы ищем какую-нибудь связь.

– Думаете, это он же?

– Похоже на то.

– Оттему, – Олауссен явно копался в памяти. – У вас нет его фотографии?

– Я работаю над этим.

Олауссен обескураженно посмотрел на инспектора:

– Поверьте, я все эти дни думал о причине!

В этот момент подозрения Рино переросли в уверенность, он попрощался и оставил хозяина наедине со ставками. Он сел в машину, когда зазвонил телефон.

– Ты был прав, – сказал Томас. – Пару лет назад Оттему получал социальную помощь.

* * *

Рино распахнул дверь в службу социальной помощи и направился в отдел пособий. Его представления об этом месте оказались совершенно неверными: в комнате было светло и уютно, и никаких суровых женщин с пронизывающим взглядом в приемной не оказалось. Симпатичная девушка в розовой футболке с надписью «Have Faith»⁵ на груди приветливо улыбнулась Рино из-за стойки. Инспектор предположил, что за ее выбором одежды не скрывалось никаких более глубоких смыслов.

Он представился и сказал, что хочет поговорить с руководителем отдела.

– У нас нет руководителей отдела, мы работаем в команде. Но, боюсь, они все сейчас на собрании, – она вытянула шею и оглядела коридор. – Сейчас посмотрю. Эвен!

⁵ Верьте! (англ.)

Молодой человек лет двадцати в черном свитере поло и очень идущем ему блейзере поднял голову от копировально-го аппарата, взял в руки пачку бумаги и направился к приемной.

– Этот человек из полиции, у него есть несколько вопросов. Не знаешь, когда закончится собрание?

У молодого человека было одно из тех лиц, которые рано стареют, – глубоко посаженные глаза и прямые черты. Он кивнул в знак приветствия:

– Подобные собрания непредсказуемы, – он ухмыльнулся, как бы подчеркивая, что не разделяет любовь начальства к новомодной организации предприятия. – Но вы вполне можете войти. Клиентов там нет.

Молодой человек опять кивнул, а девушка пошла по длинному коридору и постучала в одну из дверей. Через полминуты худая высокая женщина средних лет протянула Рино руку.

– Лисбет Толлефсен. Чем могу помочь?

– Мы можем где-нибудь поговорить?

– Да, конечно.

Он заметил, что на дверной табличке значилось «руководитель команды», подобное наименование должно было демонстрировать, что все сотрудники команды движутся в одном направлении, и эта женщина, усаживающаяся за стол, должна корректировать курс движения, чтобы никто случайно от усердия не заблудился.

– В чем дело? – сложив перед собой руки, женщина взглянула Рино в глаза и приготовилась слушать. Похоже, сама полицейская форма наводила ее на мысль о плохих новостях.

– Вы, может быть, читали о происшествии на Ландегуде?

– Про того парня, у которого руки оказались прикованными под ледяной водой?

– Да. Он получает пособие. Его имя Ким Олауссен.

Взгляд стал более жестким.

– Подобный случай произошел около трех лет назад. И еще один – сегодня утром. Расследование только началось, поэтому мы сейчас прежде всего ищем взаимосвязь. И, кажется, нашли.

По ее взгляду он понял, что она догадалась, к чему он клонит.

– Они все получали пособие.

Она выпрямилась.

– И чего вы хотите?

– Если честно, я и сам не знаю. Конечно, возможно, это простое совпадение, однако мы должны это проверить. Поэтому я и обратился к вам.

– Послушайте... я забыла ваше имя.

– Карлсен. Рино Карлсен.

– Карлсен, мы не имеем права...

– Разглашать сведения о частных лицах. Я знаю. Я и не собираюсь просить вас предоставить мне какие-то личные сведения. Мне все равно, какие суммы они получали, – он

сменил позу. – У вас же хранятся дела всех клиентов?

– Да, мы храним заявления и документы по всем обращениям.

– Отлично. Я ищу, точнее, надеюсь найти какую-то связующую нить между этими делами, то, что сможет объяснить причину материальных трудностей, которые испытывали эти люди.

– Боюсь, что у вас неправильное представление о сведениях, которые у нас хранятся. Мы оказываем срочную помощь, мы помогаем нашим клиентам прийти к соглашению со своими кредиторами. Мы не анализируем причины, по которым нашим клиентам нужна помощь, только выясняем, не кроется ли проблема в азартных играх или злоупотреблении алкоголем.

Рино жестом показал, что именно это он и имел в виду.

– Но эти сведения никуда не заносятся. Если бы я предложила вам полистать их личные дела, чего я предпочла бы не делать, вы увидели бы только заявление на пособие, приложенные документы и информацию о принятом решении – в общем, сухие факты.

– А если – просто предположение – они все жаловались на то, что их шантажируют или преследуют, об этих фактах была бы сделана отметка?

– О шантаже мы сообщили бы вам. Остальные – назовем их «неприятности» – входят в понятие личной информации, которую мы не имеем права разглашать.

– Понимаю. По-вашему, в папках вряд ли может найтись что-то, что поможет обнаружить общее между нашими пострадавшими.

– Именно так.

– И все-таки, давайте начнем с Кима Олауссена. Вы уже знаете о происшествии, и имя вам знакомо. Не могли бы вы поговорить со своими подчиненными, может быть, кто-нибудь из них вспомнит разговор с этим мужчиной? А потом вы бы сами решили, что из их разговора можно рассказать мне.

Было видно, что от подобной идеи женщина не в восторге.

– Мы говорим о покушении на убийство с риском повторной попытки.

– Я поговорю с сотрудником, который занимался делом Олауссена. Но особо не надейтесь.

– Это единственный шанс.

Она кивнула, но без особого энтузиазма.

Рино вежливо поблагодарил, попытался выйти из коридора, но заблудился. Лисбет пришлось ему помочь:

– Вам в другую сторону. Там отдел опеки и попечительства.

Он еще раз вежливо поблагодарил, но ее покровительственный тон вызвал в нем раздражение. Это чувство еще сидело внутри, когда через десять минут он опустился за свой стол в управлении. Он остро почувствовал необходимость выпустить пар и набрал номер телефона подходящей

жертвы.

Она ответила после третьего гудка:

– Хелена.

– Это я. Ты отвела Иоакима к психологу без моего согласия!

Она обреченно вздохнула:

– Ты Иоакима возишь черт знает куда, а я и слова не говорю.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Иоакиму трудно.

– Конечно, трудно. И мне было трудно в тринадцать. Всем мальчикам в этом возрасте трудно.

– Мы уже год получаем тревожные сигналы из школы, Рино. Если мы и дальше будем отрицать, что у него проблемы с поведением, мы только окажем ему медвежью услугу.

– Боже мой! – Рино сжал кулак и мысленно разнес в щепки письменный стол.

– Иоаким не может сосредоточиться на каком-нибудь деле дольше, чем на полминуты. Мысли всегда где-то блуждают, он все время какой-то беспокойный, и днем, и ночью. Разве ты не замечаешь, Рино? Или, может, не хочешь замечать?

– Да послушай! Гормоны играют, конечно, мысли разбегаются, кто куда. Нельзя из-за этого считать его больным. Я с двенадцати до шестнадцати только о девчонках и думал, пока не попробовал. В реальный мир я наведывался лишь изредка.

– Не шути с этим!

– Уж лучше шутить, чем лечить.

– Придется смириться с реальностью. Если бы он, как ты утверждаешь, был самым обычным тринадцатилетним мальчишкой, школа бы так не реагировала.

– Школа не для всех.

Она демонстративно вздохнула, как бы показывая, что не намерена больше слушать.

– Все симптомы указывают на СДВГ.

– Кто это говорит? Недоумок-психолог, который поболтал с тобой сорок пять минут и едва поздоровался с мальчиком?

– Не он один. Все так говорят.

– Черт подери, Иоаким не будет принимать «Риталин».

– До этого один шаг.

– Очень большой шаг. Пока! – Инспектор отшвырнул трубку и схватил рисунки.

Зажав один из них между указательным и большим пальцем, он медленно поворачивал лист в разные стороны. Просочившийся сквозь оконное стекло солнечный луч пробежал по столу и осветил рисунок в его руке. Бумага была очень тонкой, почти прозрачной. Какое-то время инспектор пытался разглядеть окружающую обстановку через бумагу, и его вдруг осенило. Он положил рисунки друг на друга, подошел к окну и приложил их к стеклу. Рисунки были одинаковыми.

Почти.

Линии наверху и внизу, а также прямоугольное окно сов-

падали в мельчайших деталях, как и семь фигурок. Но фигурки в окне были разной высоты.

Внезапно его осенило. У всех жертв были дети. По одному ребенку.

– Томас!!!

Через секунду коллега заглянул в кабинет.

– У всех жертв были дети, так?

– Согласно данным реестра населения – да.

– Ты знаешь возраст детей?

– Думаю, да.

– Расскажи.

– Минуту.

Прошло две минуты.

– Посмотрим, наш дружок из пивбара...

– Начни с первой жертвы.

– Дочери четыре года.

– Тогда было или сейчас?

– Хм... тогда.

– Хорошо. Олауссен?

– Мальчику восемь. И четыре месяца.

– Оттему?

– Мальчик, 6 лет.

– Бинго! – Рино с видом триумфатора показал рисунки коллеге. – Фигурка в окне – это ребенок жертвы.

– Но их тут много...

– Только одна фигурка стоит у окна. И она единственная

отличается от других размером. Сын Олауссена самый большой, потому что он старший. Четырехлетняя девочка самая маленькая, видишь?

Томас взгляделся в рисунки:

– Вовсе не всегда можно угадать рост по возрасту ребенка.

– Неважно, какого они на самом деле роста. Преступник пытался показать, что дело в детях. Видишь, окна одинакового размера, а фигурки разного!

– Может быть...

– И еще. Взрослый слева. Он отвернулся. Мы этого не заметили, потому что многие фигурки стоят, отвернувшись. А надо было заметить, потому что он стоит, отвернувшись от ребенка в окне. Томас, есть!

– Есть?

– У нас есть мститель, и мы знаем, за кого он мстит, – Рино бросил рисунки на стол. – За детей.

Рино и сам готов был отправиться в карательный поход. Не дай бог ей удастся накачать Иоакима!

Глава 8

Бергланд

Юлиан Хермансен предложил жене прогуляться по лесу, но она решительно отказалась.

– Мы не позволим каким-то куклам нарушить нашу традицию и пойдем на пляж!

Он нехотя согласился, но настоял на том, чтобы они выбрались для прогулки бухту на юге.

Моросил дождь, и она повязала на голову платок.

– Может, переждем? – он открыл ей дверь, как всегда.

– Мы же не сахарные, не растаем.

Они пошли по одной из дорожек, которые протоптали овцы в поисках более густой травы. В их городке уже давно никто не вел хозяйство, и дорожка превратилась в узкую тропинку. Им приходилось идти, внимательно глядя под ноги, чтобы не оступиться.

Муж остановился чуть впереди, и Ада подумала, что он хочет ее подождать. Но он не поворачивался, стоял, не сводя глаз с пляжа. Она подняла глаза и сразу же увидела фигуру прямо у воды.

– Ада...

Несмотря на волнение мужа, она не почувствовала того беспокойства, как раньше. Фигура не двигалась, было оче-

видно, что что-то случилось. Но она смирилась с неизбежным.

— Поторопись, Юлиан!

— Не может быть, чтобы опять...

— Завтра мы пойдем гулять в лес, обещаю тебе. Но сейчас поспеши.

Они тяжело дышали, когда наконец добрались до песчаной отмели, на которой почти не оставалось следов от быстрых шагов.

— Боюсь, что-то случилось. Обычно так не лежат...

Ада надеялась, что глаза сыграли с ней плохую шутку, что на самом деле человек лежит на спине и просто смотрит на море. Но это было не так.

Юлиан остановился в двадцати метрах.

— Она не движется.

Только в этот момент Ада поняла, что это женщина. Она поджала ноги, как будто уютно свернувшись во сне. Ада обратила внимание на тесное платье жертвы и сжала руку мужа, показывая, что сейчас должна быть сильной, а потом смело шагнула вперед. Она ступала осторожно, хотя от всей души хотела, чтобы незнакомка очнулась и повернулась к ней.

Женщина была босой, как будто танцевала на пляже, а потом упала и заснула. На пятках и пальцах ног виднелся белый сухой песок. Платье задралось выше колен и открыло кожу, которой не довелось увидеть солнце этим летом. Средней длины волосы, казавшиеся неестественно черными,

словно водоросли, вплелись в белый песок. Она лежала на боку, одна рука под телом, другая вытянута перед собой.

Ада присела на корточки возле незнакомки и осторожно коснулась ее плеча. Никакой реакции. Она сильнее сжала плечо, потрясла его, но женщина не двигалась.

– Думаю, она мертва, – Ада повернулась к Юлиану, который незаметно подошел к ней.

Сильной жилистой рукой он ухватил женщину за плечо и перевернул на спину.

– О господи! – он отпрянул.

Вторая половина головы представляла собой липкую массу из спекшейся крови.

– О боже! – он судорожно рыскал по карманам, наконец отыскал мобильный телефон, купленный на тот случай, если с кем-нибудь из них что-нибудь произойдет и им потребуется помощь. Он научил ее находить нужные номера в телефоне, потому что могло так случиться, что первым не станет именно его. Теперь он сам с трудом мог найти эти номера, и Ада внезапно поняла, что за пятьдесят четыре года брака никогда не видела его таким испуганным.

Пока он дозванивался, она обернулась к женщине. Что-то казалось ей знакомым. Ада попыталась осторожно приложить два пальца к сонной артерии, но ее рука так дрожала, что понять, есть пульс или нет, было невозможно. Кожа была еще теплой.

– Кажется, она жива, Юлиан.

Юлиан, запинаясь от волнения, говорил по телефону и не слышал ее.

Она снова приложила пальцы к шее женщины и почувствовала слабый пульс. Испытанное Адой облегчение перебила тревога от гложущего чувства, что подсознание пытается ей о чем-то сообщить. Она снова взглянула на окровавленное лицо, попыталась сосредоточиться и разглядеть черты под кровавой маской, но так и не смогла ее опознать. Неприятное ощущение становилось все сильнее, и внезапно она поняла, о чем именно кричит ее подсознание. Она отшатнулась, попыталась закрыть дрожащими руками лицо, но не смогла сдержать вопля.

* * *

– Боюсь, это последний поход, – Рейнхард Сунд сморщился от боли и сменил позу. Он сильно сдал, ей пришлось это признать. Обтянутое кожей лицо выглядело совсем нездоровым. Он лежал на диване, обложившись подушками.

– Похоже, мне конец, – он осторожно кашлянул, очевидно, легкие больше не могли выдержать длинных признаний. – А ведь я думал, у меня впереди вторая юность.

Он накрыл ее руку своей в знак утешения. Кариан-не до конца не могла осознать, что отец серьезно болен. Мысль о том, что одиночество и сочувствие самому себе его убили, продолжала свербеть. Карианне надеялась, что он расцветет,

когда убедится в том, что она действительно вернулась навсегда.

– Врачи тебя хорошо изучили, папа.

– Фффф... врачи... – он попытался покачать головой, но уперся в подушки. – Я и пяти эре не дам за этих шарлатанов.

– Они делают все, что могут, – она пожала его руку и поднялась. – Кофе сварить?

– Конечно, угощайтесь. Я тут скулю... – он жестом показал, что ему ничего не нужно. – Никлас, тебе нравится на новой работе?

Никлас сидел на стуле у подножия кровати, и сцена, которую он наблюдал, была крайне непривычной. Он знал Рейнхарда Сунда уже пятнадцать лет и всегда считал его непотопляемым судном, не только с точки зрения физической силы, но и благодаря тому спокойствию, которое он излучал. А сейчас, похоже, силы иссякли вместе с душевным покоем.

– Вполне в своей тарелке.

– Я боялся, тебе будет здесь скучно, ты ведь у нас городской.

– Пока скучать некогда.

– Рад слышать, – похоже, Рейнхарду действительно стало легче, Никлас быстро переглянулся с женой, она едва заметным пожатием плеч ответила, что она в таком же недоумении, как и он.

– Мы приехали навсегда, – сказал Никлас, надеясь, что жалость прозвучала не слишком явно.

– А ты, Карианне? Бросила работу?

– Что-нибудь найдется. К тому же в последние полгода я и так ничего не делала. Работа меня медленно съедала.

– Стресс. Говорят, это новое всеобщее заболевание. Разрушение государственного сектора, приватизация на востоке и на западе. Если уж на охоту на лис нужно получать разрешение! Старик Герхардсен в гробу бы перевернулся, если бы услышал, что...

Звонок мобильного Никласа прервал проповедь. На экране появилось имя «Линд».

– Никлас!

– Это Амунд. Ты дома?

– Я у Рейнхарда, отца Карианне.

– Хорошо. Буду через пять минут.

– Что случилось? Новая кукла?

– Хотелось бы. В этот раз все серьезно. Потом расскажу.

Куклы беспокоили Никласа, казалось, они могли помочь предотвратить преступление. Теперь это ощущение усилилось.

* * *

Похоже, Амунда Линда тоже преследовала какая-то неприятная мысль, потому что он появился ровно через пять минут. Его вечная полуулыбка, которая, как казалось Никласу, приглашала его в мир «как-бы-преступлений», исчезла.

Все стало слишком серьезно.

– Та же супружеская пара, – проговорил Линд, поворачивая на шоссе, – похоже, мировое зло прямо-таки притягивает их к себе.

Обгоняя трактор, он на несколько секунд включил сирену.

– Они нашли на пляже женщину. Не знают, жива она или нет. Сначала нам позвонили из скорой. А потом сам старик.

– А ты уверен, что это криминал?

– Пожалуй, да. Разве что она сама себе череп размозжила.

– Вот как.

– Так, правда, сказал старик. Но есть еще кое-что, на это обратила внимание его жена! – Линд от злости почти треснул по рулю кулаком.

– Женщина была одета в такое же платье, что и одна из кукол. У нее даже цвет волос такой же.

Никлас почувствовал, как по спине со скоростью света побежали мурашки. Из-за кулис уютной деревеньки на сцену выступала темная реальность.

– Все-таки зря мы так легкомысленно отнеслись к этим дурацким куклам! – Линд раздраженно надавил на педаль газа.

Они остановились у пляжа. Никлас заметил среди припаркованных машин черный «чероки» ленсмана⁶. Рядом сто-

⁶ Ленсман (*фин.* Nimismies, *швед.* Länsman, *норв.* Lensmann) – исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии, Норвегии и Швеции.

яла скорая, а у кромки воды полицейский увидел носилки и врачей. Они бегом спустились вниз. Никлас почувствовал, что пожилая пара следит за ними – действительно, это ведь те полицейские, которые за день до происшествия не поверили им, хотя они предупреждали, что найденные куклы несут с собой угрозу.

Врач, сидевший возле женщины, подал знак своим помощникам, и через секунду носилки были готовы. Женщина лежала на боку, так что разглядеть лицо было невозможно, но Никлас сразу же узнал платье. Черное. Как у куклы.

Ленсман Бергитон Брокс помотал головой.

– Жива, – прошептал он, огляделся и добавил: – Но у Харальда плохие прогнозы.

Он говорил о враче, который выверенными движениями помогал поднять женщину на носилки.

– Кажется, я ее знаю, – продолжал ленсман шепотом. – Она из банка. Эллен как-то там...

«Нападение тщательно спланировано, – подумал Никлас, – а кукла, которую прислали как предупреждение, сейчас в кабинете на полке Линда рядом с миниатюрным “фольксвагеном”».

– Пора очистить место преступления, – Брокс замахал руками в сторону зевак. Аромат лосьона после бритья облаком повис над пляжем, справиться с ним легкому ветерку было не под силу. Брокс не мог пахнуть ничем иным, хотя, безусловно, в данный момент этот запах казался неуместным.

– Невероятно, – Линд, не отрываясь, смотрел на темно-коричневую ямку на песке, образовавшуюся от натекашей крови.

– Ее выбросили здесь, – проговорил Никлас, хотя на песке не было следов борьбы.

Линд обвел взглядом пляж, не признавая, согласен он с этой теорией или нет.

Никлас продолжил рассуждать:

– Хотя, возможно, она знакома с преступником и пошла сюда добровольно.

– И добровольно переоделась?

– Вряд ли. Поэтому, я думаю, ее здесь выбросили.

Воздух прорезал пронзительный вой сирены. Машина сорвалась с места. Врачи все еще пытались спасти женщине жизнь.

– Тут толпы ходили.

– Неважно. Ты же видишь, следы едва различимы. И никаких отпечатков подошв.

– Она потеряла много крови, – Линд все еще смотрел на ямку.

Никлас присел на корточки и осторожно провел пальцем по темному пятну на песке.

– Что это?

– Я как раз выясняю, – Никлас почувствовал, как песчинки просочились сквозь пальцы. Он достал из кармана пакет, опустил руку поглубже в песок, набрал полную горсть и по-

ложил ее в пакет.

Линд поднял глаза.

– Место выбрано не случайно. Никто из жителей не видит из окон эту часть пляжа.

– Боюсь, случайности вообще редко встречаются. Если все именно так, как кажется, и женщина действительно одета как одна из кукол, то мы имеем дело с долго и хорошо спланированным преступлением.

Линд молча согласился.

– Брокс ее узнал. Эллен как-то там.

– Если это она, то я знаю, кто это.

– Если?

Линд пожал плечами.

– Я бы ее не опознал, если бы не Брокс... может быть...
Может, это и она.

– Но ты не уверен?

Линд опять пожал плечами.

– Эллен Стеен блондинка. По крайней мере, была ею, когда я заходил в банк последний раз.

Глава 9

Будё

– Дети!

– ?..

– Он мстит за детей, в вашем случае – за восьмилетнего сына.

Ким Олауссен выглядел удивленным, как инопланетянин на чужой планете.

– Томми?

– Вы меня спрашиваете, как зовут вашего сына?

– Почему вы так злитесь, а?

Рино, широко расставив ноги, навис прямо над Олауссеном.

– Потому что кто-то пытался отомстить вам за Томми, и я хочу знать почему.

– С ума сойти!

Олауссен приподнялся. На коленях у него лежали купоны ставок и программа скачек.

– Даже в тех поступках, которые на первый взгляд кажутся безрассудными, порой кроется здравая логика.

Олауссен сглотнул. То ли слова инспектора задели его за живое, то ли внезапно его осенило.

– Мы разгадали рисунок. Ребенок в окне – это ваш сын.

– И кто же разгадал? Вы? – проговорил Олауссен с нескрываемым злорадством.

Рино едва сдержался, чтобы не опрокинуть переполненную пепельницу на голову человеческого отребья, с которым он был вынужден беседовать.

– Расскажите о Томми.

– Оставьте его в покое.

– Хорошо, пусть преступник разгуливает на свободе. Готов поспорить, он не отступится, пока вы не останетесь с двумя обрубками вместо рук и даже носа себе утереть не сможете.

Олауссен, похоже, представил себе подобный сценарий:

– Что вы хотите знать?

– Все.

– Он... хороший мальчик.

Рино взглянул на Олауссена с ожиданием, но тот пожал плечами.

– Все?

– Чего вы хотите?

– Ему восемь лет, так?

Олауссен явно был смущен.

– Вроде, да.

– То есть он ходит... во второй класс?

– Наверное.

– Наверное?

– Черт возьми, это что, допрос?

- Вовсе нет, но я удивлен, что вы не знаете точно.
- Да какая разница, в какой класс ходит мальчик?
- Возможно, гораздо более значительная, чем вы думаете.

В какой школе он учится?

- Он живет в Хунстаде.
- Я не об этом спросил.
- Блин, ну, значит, это школа Хунстада.
- Она так называется?
- Безумие какое-то.

Олауссен уронил на пол несколько купонов.

- Почему вы расстались?
- Эта стерва меня ненавидит.
- Насколько я понимаю, вы это о матери Томми?
- Она... дрянь.
- Вы, очевидно, кому-то тоже не очень нравитесь.

Рино присел на разваливающийся диван.

- ...да и отец вы явно не из лучших.

Олауссен хотел было возразить, но Рино жестом приказал ему замолчать.

- Не берусь судить, но мне кажется, вы не слишком участвуете в жизни сына.
- Вы ошибаетесь.
- Я практически уверен, что прав. Все свидетельствует о том, что кто-то пытается наказать вас за то, что вы отвернулись от детей.
- Отвернулся?

– Воспринимайте это буквально. Если вы недостаточно участвуете в жизни ребенка, вы, считайте, повернулись к нему спиной.

– Но эта стерва послала меня ко всем чертям. Ей главное, чтобы деньги регулярно приходили.

– Как ее зовут?

– Ренате Оверлид.

По его выражению лица можно было подумать, что он говорил о содержимом блевотины.

– Назовем ее просто Ренате.

В ответ Олауссен соорудил презрительную мину.

– Отношения закончились по ее инициативе?

– Какие отношения? – Олауссен обнажил зубы цвета пива. – Шуры-муры длиной в месяц, вот и все.

– То есть вы не встречались, когда родился Томми?

– Через месяц она заявила, что все кончено. Теперь же у нас теткы рулят в этих делах, если вы не в курсе.

Рино вполне мог бы согласиться, но решил, что Олауссену и так хватает поддержки.

– То есть после разрыва вы почти не общались?

– Она позвонила, когда узнала, что беременна. Типа чтобы я знал, что наш перепих обойдется в копеечку.

– Она так сказала?

– Не напрямую.

Рино сомневался, что личность, сидевшая перед ним, способна читать между строк.

– А после рождения Томми?

– Тут она внезапно поняла, что мы должны вести себя повзрослому.

– И?

– Ей захотелось, чтобы я с ним встречался... так, иногда...

– И вы встречались?

– Изредка.

– Это как?

– Она не хотела.

– Ничего не понимаю.

Олауссен схватил один из купонов, свернул его и демонстративно поднял перед собой.

– Деньги, деньги, деньги. Разве мы все не ради них живем?

– Вы думаете, она давила на вас ради денег?

– Давила, давила! – Купон полетел в угол кухни. – Напоминала, что мне придется платить за мои поступки. И... черт подери... – Большое тело мужчины содрогнулось от смеха. – Она сказала, что с радостью разрешит мне покатать коляску.

– И вы катали?

Олауссен раздраженно замотал головой, как будто то, что она предлагала, было полным безумием.

– Все без толку. Стерва тут ни при чем.

– Рената вполне может быть ни при чем. Но мы все-таки продолжим. Итак – вы катали коляску?

– Черт подери, а вы настырный!

– Отвечай!

– У нее появился новый парень. И что, я должен был мотаться с коляской под окнами, чтобы он на меня пялился?

Рино с трудом поборол искушение поделиться своими идеями.

– А позже? Как часто вы с ним виделись?

– Иногда.

– Как это было?

– Я видел их в городе.

– И все?

Олауссен замолчал.

– Я пытался. Она велела мне отвалить.

– Когда вы видели их последний раз?

Мужчина пожал плечами.

– Пару лет назад, кажется.

– То есть получается, что Томми вы видели только тогда, когда вы случайно встречались в городе?

– Так сложилось. Мы пересекались, точнее, она меня находила.

– Вы пытались еще раз?

– Делал пару попыток. Предлагал сходить с ним в кафе или в кино.

– Она отказалась?

– Мм...

– Почему? Что она сказала? Слишком поздно?

– Да, что-то в этом роде.

– И сейчас вы не общаетесь?

Олауссен покачал головой.

– Когда вы последний раз с ней разговаривали?

– Прошлой осенью. Она велела отвалить.

– Ничего не объяснила?

– Сказала, что мальчику нужен настоящий отец из плоти и крови, а не фигурка из комиксов.

Глава 10

Бергланд

– Все очень серьезно, – ленсман Бергитон Брокс снял куртку и ослабил галстук. Все четверо сотрудников полиции вернулись в участок. – По всей видимости, у нас тут покушение на убийство.

– Покушение? – спросил Нурвальд Бё, старейший сотрудник, который в свой шестьдесят один год уже успел побывать ленсманом и добровольно сложить полномочия.

– Она была жива, когда ее увозили. И все еще была жива пять минут назад, когда я разговаривал с больницей.

Брокс провел рукой по щеке, как будто проверяя, отросла ли щетина с момента последнего бритья.

– Мы предполагаем, что жертва – Эллен Стеен, но прошу вас пока об этом никому не сообщать. Мы постоянно получаем сведения из больницы, и, если личность пострадавшей подтвердится, нам нужно будет связаться с родственниками, чтобы закончить процедуру опознания. Я связался с Центральным управлением. Если она очнется и сможет рассказать о том, что случилось, помощь нам не потребуется. В ином случае к нам пришлют группу следователей. Насколько я знаю... – он посмотрел на своего предшественника, – это первое убийство, точнее, покушение на убийство в Берг-

ланде за многие годы?

– Абсолютно уверен. Был один случай, когда мужик за-баррикадировался у себя в доме с заряженным ружьем и угрожал снести голову своей жене, но, как только алкоголь испарился, он сразу же попросил прощения.

Голос бывшего ленсмана – приглушенный и хрипловатый – был как будто создан, чтобы записывать аудиокниги ужасов.

– Значит, подобная ситуация для всех нас в новинку, – Брокс обвел взглядом сидящих за столом мужчин. – Будем действовать. Территория оцеплена, насколько я понимаю, предварительный осмотр места происшествия произведен.

Он вопросительно взглянул на Линда, и Никлас убедился в том, о чем давно догадывался: отношения между двумя коллегами были натянутыми.

Линд кивнул:

– Мы с Никласом целый час прочесывали этот квадрат. Ничего не нашли, кроме мусора и щепок.

Никлас кивнул в подтверждение и выложил на стол пакет с песком:

– Это песок с того места, где лежала голова. В нем находится некая липкая масса, которую я хотел бы отдать на анализ.

– Хорошо... – Работа началась, и Броксу явно стало легче собраться с мыслями. – Прежде, чем мы приступим к организационным вопросам и распределению обязанностей...

Мы все видели этих кукол. Кроме того, что они стали предметом многочисленных насмешек, я бы не сказал, что мы внимательно их изучали. Насколько я понимаю, нельзя исключать некую взаимосвязь между куклами и жертвой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.